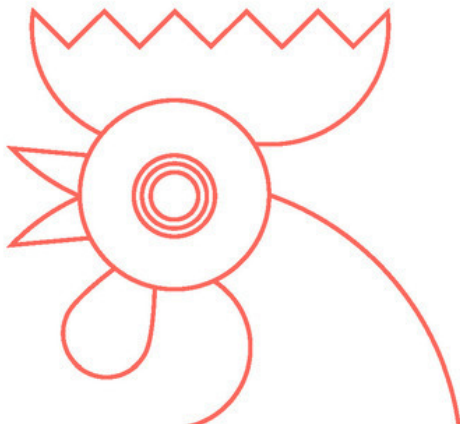

Клиффорд Гирц

Глубокая игра:
Заметки о петушиных
боях у балийцев

28

Клиффорд Гирц
Глубокая игра: Заметки о
петушиных боях у балийцев
Серия «Minima», книга 28

еруб предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27106701
Ад Маргинем Пресс; 2017
ISBN 978-5-91103-373-6

Аннотация

С точки зрения Гирца, этнография – это не «экспериментальная наука, занятая поисками закона», а наука «интерпретативная, занятая поисками значения». «Интерпретация культур» и насыщенное описание являются ответом на формализацию и математизацию антропологического исследования в «этнонауке, когнитивной антропологии, компонентном анализе», в которых описание представляет собой «этнографический алгоритм», приводящий к соединению «чрезмерного субъективизма с чрезмерным формализмом» в виде «таксономий, парадигм, таблиц и прочих ухищрений». Интерпретативную антропологию Гирц противопоставил «темным наукам» (dark sciences).

Содержание

Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев	5
Облава	6
О петухах и людях	17
Бой	27
Ставки равные и неравные	36
Игра с огнем	51
Перья, кровь, толпа и деньги	73
Говоря что-то о чем-то	85
Насыщенное описание петушиных боев	96
Гирц в эпоху big data	97
Adversus Mathematicos	101
«Дело Коэна»: в поисках универсального языка	104
Книга Песка	108
Литература	111

Клиффорд Гирц
Глубокая игра:
Заметки о петушиных
боях у балийцев

Серия «Minima; 28»

This edition published by arrangement with Basic Books, an imprint of Perseus Books, LLC, a subsidiary of Hachette Book Group, Inc. (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia). All rights reserved.

© 1977 Clifford Geertz

© Лазарева Е. М., перевод, 2017

© Сивков Д., послесловие, 2017

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2017

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙ-РИС»/IRIS Art Foundation, 2017

* * *

Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев

Облава

В начале апреля 1958 года мы с женой, больные малярией и неуверенные в себе, приехали в балийскую деревушку, где собирались проводить антропологическое исследование. Небольшая, всего в пять сотен человек, и сравнительно удаленная от крупных населенных пунктов, эта деревушка являла собой замкнутый мир. Мы же были чужаками, профессиональными чужаками, и местные жители обращались с нами так, как балийцы всегда обращаются с людьми, которые не являются частью их жизни, но им навязываются: они нас просто не замечали, будто бы нас и не было. Для них, а отчасти и для себя самих, мы были никем – призраки, невидимки.

Мы обосновались в большом семейном поселении (об этом была предварительная договоренность с местной администрацией), которое принадлежало одной из четырех главных фракций деревенских жителей. Однако, кроме нашего хозяина и его кузена и шурина – деревенского старосты, – нас никто не замечал, как это умеют делать только балийцы. Растерянные, страстно желающие произвести хорошее впечатление, мы тоскливо бродили по деревне, а балийцы смотрели сквозь нас, фиксируя свой взор на

каком-то гораздо более важном для них дереве или камне, отстоящем от нас на несколько метров. Почти никто с нами не здоровался, но в то же время никто и не сердился, не говорил нам ничего обидного, что бы нас тоже вполне устроило. Когда мы пытались к кому-нибудь подойти (что в такой ситуации делать категорически не рекомендуется), человек отодвигался как бы ненароком, но вполне решительно. Если нам удавалось с двух сторон зажать кого-то, стоящего у стены, он ничего не говорил или же твердил все время одно и то же слово, служащее балийцам универсальной присказкой, – «да». Их безразличие было, разумеется, наигранным; балийцы следили за каждым нашим движением и обладали достаточно подробной информацией о том, кто мы такие и что собираемся делать. Но они вели себя так, будто бы нас вообще не существовало, и, если судить по их отношению к нам, нас действительно не было или, точнее, пока не было.

Все это, как я уже сказал, характерно для балийцев. Во всех других уголках Индонезии, где мне доводилось бывать, и позднее в Марокко, стоило мне появиться в деревне, люди высыпали на улицу, чтобы меня получше разглядеть, а нередко даже меня потрогать. Но в балийских деревнях, по крайней мере в расположенных вдали от туристских маршрутов,

ничего подобного не происходит. Люди спокойно загоняют скот, болтают, совершают приношения, просто смотрят в пространство, носят корзины, в то время как вы ходите среди них со странным ощущением собственной бестелесности. То же самое происходит и на индивидуальном уровне. Когда вы в первый раз встречаете балийца, он вроде бы не обращает на вас никакого внимания; если использовать известный термин Маргарет Мид и Грегори Бейтсона, он «отсутствует»¹. Позже – через день, неделю, месяц (для некоторых людей этот волшебный момент вообще никогда не наступает) – он вдруг решает, по причинам, которые мне так и не удалось понять, что вы *все-таки* существуете, и становится дружелюбным, веселым, чувствительным, сочувствующим, хотя, как и все балийцы, полностью контролирует свои чувства. Таким образом вы переходите некую невидимую нравственную или метафизическую границу. И тогда, хотя вас и не принимают за балийца (балийцем можно только родиться), к вам начинают относиться по крайней мере как к человеку, а не как к облаку или порыву ветра. И весь комплекс отношений к вам в большинстве случаев становится чутким, почти что нежным – сдержанным, немного наигранным, немного манерным, но

¹ Bateson G., Mead M. Balinese Character: A Photographic Analysis. N.Y., 1942, p. 68.

паразитально радушным.

Мы с женой все еще находились на стадии порыва ветра, чувствовали себя очень неудобно и немного нервно, поскольку уже начинали сомневаться в собственной реальности, когда десять дней спустя после нашего приезда на центральной площади были организованы петушинные бои, чтобы собрать деньги на строительство новой школы.

Сейчас, за исключением некоторых особых случаев, петушинные бои на Бали республиканскими властями запрещены (так же как они по схожим причинам были запрещены при голландцах), главным образом вследствие пуританизма, свойственного радикальному национализму. Правящая элита, не отличаясь, впрочем, сама особым пуризмом, проявляет таким образом заботу о бедных темных крестьянах, которые тратят на игру все свои деньги, а также беспокойство в связи с тем, что подумают иностранцы, и тем, что на игру тратится много времени, которое можно было бы посвятить возрождению страны. Петушинные бои, мол, – «примитивное», «отсталое», «непрогрессивное» и в целом неподобающее занятие для столь перспективной нации. Поэтому новая администрация сочла нужным положить этой забаве конец – как и курению опиума, нищенству и обычаю ходить с голой грудью.

Разумеется, петушинные бои, будучи неотъемлемой частью «балийского образа жизни», по-прежнему устраиваются и довольно регулярно, как это было с употреблением спиртного во времена сухого закона в США или как это происходит сейчас с курением марихуаны. И, как и в случае с сухим законом или марихуаной, время от времени полиция (в 1958 году состоявшая почти полностью не из балийцев, а из яванцев) считает нужным проводить облавы, конфисковывать петухов и шпоры, собирать штрафы и даже иногда выставлять главных виновников на день под палящее солнце всем напоказ, чтоб другим неповадно было; это редко оказывает воспитательное воздействие, хотя иной раз «объект» умирает.

Вследствие всех этих мер бои обычно происходят в укромных уголках деревни в обстановке почти полной секретности, что делает зрелище несколько менее динамичным, хотя балийцы и не придают этому большого значения. Однако на этот раз, то ли потому что речь шла о сборе необходимых средств, которые правительство было бессильно выделить, то ли потому, что в последнее время облавы устраивались нечасто, то ли потому, что, как мне удалось понять из обрывков разговоров, от полиции удалось откупиться, решили, что можно устроить бои на центральной площади и собрать достаточно большую толпу зрите-

лей, не привлекая внимания правоохранительных органов.

Расчет оказался неверным. В середине третьего матча, когда сотни людей, в том числе и еще не обретшие кровь и плоть я и моя жена, слитые в единое тело, в страшном возбуждении прилипли к рингу, на площадь въехал грузовик с вооруженными автоматами полицейскими. Под раздавшиися из толпы вопли «Пулиси! Пулиси!» полицейские посыпались на землю и, ворвавшись в самый центр ринга, стали потрясать своими автоматами, как гангстеры в кино, хотя, собственно, до стрельбы дело так и не дошло. Суперорганизм мгновенно распался, и его компоненты разбежались по всем направлениям. Люди мчались по дорогам, перелезали через стены, прятались под подмостками, под плетеными навесами, залезали на кокосовые деревья. Петухи со стальными шпорами, достаточно острыми, чтобы отрезать палец или продырявить насквозь ногу человека, в страшном возбуждении бегали по площади. Кругом всё было пыль и паника.

Следуя принятому в антропологии правилу, в чужом монастыре (When in Rome) мы с женой тоже решили, хотя и не столь молниеносно, как местные жители, скрыться. Мы побежали по главной деревенской улице на север, в противоположную нашему месту

жительства сторону, поскольку это было ближе от того края ринга, где мы находились. Когда мы пробежали полдороги, один из беглецов нырнул в стоявшее на пути жилище – как выяснилось позднее, его собственное. Мы же, видя, что впереди, кроме рисовых полей, открытой местности и очень высокого вулкана, ничего больше нет, решили последовать за ним. Когда мы втроем вбежали во внутренний дворик, его жена, видимо, уже не раз наблюдавшая подобные сцены, выставила стол, накрыла его скатертью, принесла три стула и три чашки с чаем, и мы, не вступая друг с другом в беседу, уселись, стали пить чай и постепенно приходиться в себя.

Вскоре в наш дворик с важным видом явился полицейский: он искал деревенского старосту. (Староста не только присутствовал на петушиных боях – он их организовал. Когда подъехал грузовик, он побежал к реке, сбросил с себя саронг и нырнул; когда же наконец его нашли, он сидел на берегу реки и лил себе на голову воду. Полицейским он сказал, что все это время купался и ничегошеньки не знал о происходящем. Однако ему не поверили и наложили на него штраф в триста рупий, которые потом собирала вся деревня.) Увидев во дворике нас с женой, «белых людей», полицейский разыграл классический «двойной захват». Оправившись от изумления, он спросил, какого черта,

мол, мы там делаем. Наш хозяин минут пять распи-
нался перед ним, защищая нас и весьма импульсивно
объясняя, кто мы такие. При этом он описывал нас
настолько подробно и точно, что настала моя очередь
изумиться – ведь мы до этого ни разу не вступали в
контакт ни с одним местным жителем, за исключени-
ем человека, нас поселившего, и деревенского старо-
сты. У нас были все основания находиться у него в го-
стях, объяснял он, глядя полицейскому прямо в глаза.
Мы американские профессора; мы приехали с разре-
шения правительства; мы собираемся изучать мест-
ную культуру; мы хотим написать книгу, чтобы объяс-
нить американцам, как живут балийцы. И весь день
мы тихо и мирно сидим у них в гостях, пьем чай, об-
суждаем проблемы культуры и знать не знаем ни о
каких петушиных боях. Более того, мы в тот день не
видели деревенского старосту, поскольку тот, по всей
вероятности, уехал в город. Полицейский в полном
смятении удалился. Выждав разумное время, за ним
последовали и мы, весьма взволнованные, но очень
довольные тем, что остались живы и даже не попали
в тюрьму.

На следующее утро деревня стала для нас совер-
шенно иным миром. Мало сказать, что мы перестали
быть невидимками, мы вдруг стали центром все-
общего внимания, на нас изливалось необычайное

дружелюбие, радушие, мы вызывали интерес и, что особенно интересно, всех развлекали. Каждый в деревне знал, что мы, как и все, убегали от полиции. Нас об этом расспрашивали снова и снова (я, должно быть, раз пятьдесят на день рассказывал эту историю с мельчайшими подробностями), при этом дружески, любя, но все же довольно настойчиво поддразнивая: «А почему вы просто не остались там и не рассказали полиции, кто вы на самом деле?»; «Почему же вы не объяснили, что вы просто смотрите, а не делаете ставки?»; «Неужели вы действительно испугались их маленьких пушек?» Как многие кинестетические народы, даже если речь шла о спасении жизни (или, как произошло восемью годами позже, о смерти), они сопровождали рассказы мимикой и жестами, весело и многократно изображали, как мы неуклюже убегали, строили рожицы, показывая выражение паники на наших лицах. Но главное, им ужасно понравилось и страшно их поразило, что мы не стали просто «доставать наши документы» (о том, что они у нас есть, они, разумеется, тоже знали) и подтверждать свой статус «высоких гостей», а вместо этого проявили солидарность с теми, с кем живем в одной деревне. (На самом-то деле мы проявили обыкновенную трусость, но в этом им тоже виделась солидарность.) Даже серьезный престарелый брахман, принадлежащий к тому ти-

пу священников, что находятся на полпути к небесам, который никогда не участвовал, даже косвенно, в пещинных боях и к которому не каждый балиец осмеливался приблизиться, призвал нас в свой двор, чтобы подробно расспросить, как все это было, и радостно посмеивался, дивясь необычности этого происшествия.

Если балийцы вас поддразнивают, значит они вас принимают. Это стало поворотным моментом в наших отношениях с сообществом, и теперь мы были буквально «в нем». Вся деревня была для нас открыта, возможно, даже в большей степени, чем это могло быть, если бы события развивались как-то иначе (я бы, наверное, никогда не смог попасть к этому священнику, а человек, волею случая приютивший нас «в тот самый день», стал моим лучшим информатором), и, безусловно, это произошло быстрее, чем ожидалось. Быть пойманным или почти пойманным в ходе полицейской акции не самый распространенный рецепт достижения контакта – этой сокровенной необходимости в антропологической полевой работе, но в моем случае это удалось блестяще. Это позволило мгновенно и необычайно глубоко проникнуть в общество, которое обычно отчаянно сопротивляется чужакам. И мне удалось моментально взглянуть изнутри на некоторые аспекты «крестьянской ментальности»,

чего многим менее удачливым антропологам, вынужденным получать информацию от официальных лиц, обычно так и не удается сделать. А самое главное, поскольку многое другое я бы, наверное, нашел способ все равно узнать, мне удалось стать непосредственным свидетелем эмоционального взрыва, войны статусов и философской драмы необычайной важности для общества, внутреннюю природу которого я жаждал понять. Ибо за срок моей экспедиции я провел не меньше времени в наблюдении за петушиными боями, чем в наблюдениях за колдовством, ирригационными работами, кастами и браками.

О петухах и людях

Бали изучен достаточно хорошо, главным образом потому, что это Бали. Мифология, искусство, ритуалы, социальная организация, приемы воспитания детей, законы, даже способы впадения в транс – все это детальнейшим образом исследовано в поисках следов некой неуловимой субстанции, которую Джейн Белоу назвала балийским нравом². Однако петушинные бои, за исключением нескольких случайных упоминаний, практически остались незамеченными, хотя как популярное азартное увлечение оно столь же важно для уяснения того, «что значит» быть балийцем, как и все эти получившие более полное освещение в литературе феномены³. Как американцы внешне раскрываются на стадионе, на поле для игры в гольф, на скачках или вокруг стола за покером, так и балийцы раскрываются у площадки для петушинных боев. Ведь это только на первый взгляд там бьются петухи. На самом деле главные участники – люди.

² Belo J. «The Balinese Temper» // *Traditional Balinese Culture* / Ed. J. Belo. N.Y., 1970, p. 85–110.

³ Наилучшим образом, хотя очень общо и довольно кратко, петушинные бои описаны опять же в книге Bateson G., Mead M. *Balinese Character: A Photographic Analysis*, p. 24–25, 140.

Каждый, кому довелось провести на Бали достаточно длительный срок, не мог не заметить, что балийские мужчины психологически идентифицируют себя со своими петухами⁴. Слово «петух» там неоднозначно, как и в английском, и это порождает такие же однообразные скабрёзные шутки и каламбуры. Бейтсон и Мид даже предположили, что в соответствии с балийским представлением о теле человека как совокупности отдельных одушевленных частей, петухи рассматриваются как отделяющиеся самостоятельные пенисы, ходячие гениталии, наделенные собственной жизнью⁵. Поскольку у меня нет материала бессозна-

⁴ Здесь непереводаемая игра слов: cock (англ.) – петух и мужской половой член. – Примеч. пер.

⁵ См. книгу Bateson G., Mead M. *Balinese Character: A Photographic Analysis*, p. 25–26. Петушиные бои – один из немногих видов социальной деятельности, организованной по половому признаку, из которой полностью исключается противоположный пол. Вообще же на Бали, как правило, мужчины и женщины на равных, часто парами, участвуют во всех, формальных и неформальных, мероприятиях; разделение полов этому народу несвойственно. В областях религии, политики, экономики, системы родства, одежды общество балийцев может считаться недифференцированным по половому признаку – это обстоятельство находит выражение и в обычаях, и в символизме. Даже в контексте, где женщина не играет большой роли – в музыке, изобразительном искусстве, некоторых земледельческих операциях, – ее отсутствие обусловлено скорее стечением обстоятельств, чем общественными установлениями. Петушиные бои, которые устраиваются исключительно мужчинами и для мужчин (женщины – по крайней мере балийские женщины – не могут на них даже смотреть), – самое разительное исключение из этого

тельного, чтобы подтвердить либо опровергнуть это любопытное наблюдение, могу лишь заметить, что балийцы так же уверены в том, что петух – символ маскулинности *par excellence*, как и в том, что вода течет с горы вниз, а не вверх.

Повседневный моральный язык мужской части населения Бали пропитан образами из петушиной сферы. Слово *сабунг*, обозначающее петуха (и впервые встречающееся в записи уже в 922 году нашей эры), используется метафорически и значит «герой», «воин», «победитель», «способный человек», «политический кандидат», «холостяк», «денди», «сердцеед» и «крутой парень». Напыщенного человека, чье поведение не соответствует его скромному статусу, сравнивают с бесхвостым петухом, который считает, что у него большой красивый хвост. Человека отчаявшегося, который делает последнее безумное усилие, чтобы вырваться из ужасной ситуации, сравнивают с умирающим петухом, делающим последний выпад в сторону своего соперника, чтобы тот тоже погиб вместе с ним. Скупца, который много обещает, а дает мало да еще и кичится этим, сравнивают с петухом, который, когда его держат за хвост, прыгает на других, но не достает. Молодого человека брачного возраста, который все еще робеет в женском обществе, или

человека на новой работе, который хочет произвести хорошее впечатление, называют «бойцовым петухом, которого первый раз посадили в клетку»⁶. Любовные ухаживания, войны, политические схватки, споры о наследстве и уличные споры – все уподобляется петушиным боям⁷. Даже сам остров по форме, как здесь полагают, напоминает маленького гордого петуха с вытянутой шеей, напряженной спиной, поднятым хвостом, с вызовом смотрящего на большую безалаберную и бесформенную Яву⁸.

Однако близость человека к петухам имеет не только метафорический характер. Балийские мужчины, по крайней мере огромное большинство балийских мужчин, проводят со своими любимцами очень много времени: ухаживают за ними, кормят, говорят о

⁶ Hooykaas Ch. *The Lay of the Jaya Pranna*. L., 1958, p. 39. В этой балладе есть строфа (№ 17), где содержится намек на отношения жениха и невесты. Джая Прана, герой балийского мифа «Юрая», отвечает своему господину, который предложил ему на выбор шесть самых красивых служанок: «Милостивый Король, мой господин и повелитель, / прошу тебя, дай мне уйти, / не то сейчас у меня на уме, / как бойцовый петух в клетке, / я готовлюсь к бою, / я одинок, / но пламя еще не разгорелось».

⁷ См: Korn V. E. Toh // *Het Adatrecht van Bali*. 2nd ed. The Hague, 1932.

⁸ Согласно преданию, Ява отделилась от Бали по воле могущественного персонажа в яванской религии, который хотел защититься от героя балийской культуры (прародителя двух каст кшатриев) – страстного игрока на петушиных боях. См.: Hooykaas Ch. *Agama Tirthha*. Amsterdam, 1964, p. 184.

них, устраивают пробные схватки одного петуха против другого или просто смотрят на них со смесью восхищения и мечтательного самосозерцания. Если вы увидите группу балийских мужчин, сгрудившихся на корточках под навесом или у края дороги, плечами вперед и коленками вверх, непременно выяснится, что по крайней мере половина из них держат руками зажатого между бедер петуха и легонько его опускают на землю и потом поднимают, вниз-вверх, для укрепления ног, ласково ерошат ему перья, толкают его для поднятия духа в сторону соседского петуха, а потом нежно снова его успокаивают, прижимая к бедрам. Время от времени, чтобы почувствовать и чужую птицу, берут на время чужого петуха и проделывают с ним ту же операцию, при этом обычно прямо на корточках приближаются к этому петуху, а не передают птицу друг другу, как будто это самое обыкновенное животное.

Во двореке – огороженном высокой стеной пространстве, где протекает жизнь людей, – в клетках, плетенных из прутьев, содержатся петухи; эти клетки все время передвигают с места на место, чтобы обеспечить птицам оптимальное сочетание света и тени. Их держат на специальной диете, которая состоит главным образом из кукурузы (хотя некоторые имеют собственные идеи на этот счет) – из нее выбирают

посторонние примеси с гораздо большим тщанием, чем для приготовления еды для себя, после чего дают ее петуху буквально по зернышку. Под клюв и над анальным отверстием им закладывают красный перец – для придания боевого духа. Их купание сопровождают такими же церемониальными приготовлениями, как и купание маленького ребенка, – подогревают воду, добавляют лечебные травы, цветки, лук; петухов-призеров купают еще и с такой же периодичностью. Им подстригают гребешки, расчесывают перья, обрезают шпоры, массируют ноги, их постоянно осматривают столь же тщательно, как купец осматривает бриллиант. Человек, увлекающийся петухами, энтузиаст в буквальном смысле этого слова, может провести с ними большую часть своей жизни, а большинство мужчин Бали, чья страсть к петухам хоть и сильна, но не всеобъемлюща, проводят с ними гораздо больше времени, чем это кажется разумным не только стороннему наблюдателю, но и им самим. «Я помешан на петухах, – приговаривал мой хозяин, по балийским стандартам обычный *любитель*, передвигая клетку, готовя ванну или совершая очередное кормление. – Мы все помешаны на петухах».

Это сумасшествие имеет и не столь очевидные очертания, ибо, хотя и верно, что петухи – символическое выражение возвеличивания собственной лично-

сти, нарциссического мужского эго, выписанного эзоповым языком, они также и выражение – гораздо более непосредственное – того, что балийцы эстетически, морально и метафизически считают прямой инверсией человеческого состояния, – животности.

Трудно не заметить неприятия балийцев любого поведения, которое можно считать животным. Маленьким детям из-за этого не позволяют ползать. Инцест, хоть и не одобряют, но считают гораздо менее ужасным преступлением, чем бестиализм. (Последнее карается смертью, в то время как виновных в первом преступлении заставляют жить как животных⁹.) Большинство демонов изображается в скульптуре, танце, ритуале, мифе в образе реальных или фантастических животных. Основные ритуалы в подростковом возрасте состоят в подпиливании зубов, чтобы они не походили на клыки животных. Не только отправление естественных потребностей, но даже еда считается отвратительным, почти непристойным занятием, которым следует заниматься наспех, вдали от чужих глаз, поскольку оно вызывает ассоциации с животностью. По тем же причинам непристойным счи-

⁹ Прелюбодействующим супругам надевают на шею свиной хомут и заставляют их подползать к корыту для свиней и есть оттуда ртом без помощи рук. См.: Belo J. «Customs Pertaining to Twins in Bali» // *Traditional Balinese Culture* / Ed. J. Belo. P. 49; о неприятии животного поведения в целом см.: Bateson G., Mead M. *Balinese Character*, p. 22.

тается падение или любое проявление неуклюжести. Если не считать петухов и еще нескольких видов домашней живности, которая не вызывает у балийцев никаких эмоций, – быков, уток, они в целом не любят животных и обращаются со своими многочисленными собаками не просто грубо, но прямо-таки с маниакальной жестокостью. Идентифицируя себя со своим петухом, мужчина-балиец не только идентифицирует себя с идеальным «я» или даже со своим половым членом, но и с тем, чего он больше всего боится, что ненавидит и чем – в этом амбивалентность – восхищается: с «темными силами».

Связь петухов и петушиных боев с этими силами, со звероподобными демонами, которые все время грозят завоевать небольшое открытое пространство, где балийцы с таким тщанием построили свою жизнь, довольно очевидна. Петушиный бой, любой петушиный бой – это в первую очередь кровавое, с соответствующими церемониями и пением, жертвоприношение демонам, совершаемое для утоления их ненасытного, каннибальского голода. Ни один храмовый праздник не начинается до этого жертвоприношения. (Если это все-таки произойдет, то обязательно кто-нибудь упадет в транс и голосом вселившегося в него духа прикажет немедленно исправить столь грубое нарушение.) Коллективный ответ на любое зло естествен-

ного происхождения – болезнь, неурожай, извержение вулкана – почти всегда включает в себя петушиный бой. А знаменитому балийскому празднику Дню тишины (*Ньепи*), когда все в течение целого дня молча сидят, чтобы не столкнуться с неожиданным нашествием выгнанных из ада демонов, накануне предшествуют крупные петушиные бои (в этом случае легальные), происходящие почти в каждой деревне на острове.

В бое петухов человек и зверь, добро и зло, Я и Оно, творческая сила возникшей маскулинности и разрушительная сила ослабленной животности смешиваются в кровавой драме ненависти, жестокости, насилия и смерти. И мало удивительного в том, что, когда (как это неизменно происходит) владелец победившего петуха забирает домой останки проигравшего – часто расчлененные разъяренным владельцем – чтобы съесть, он делает это со смешанным чувством социального раздражения, морального удовлетворения, эстетического отвращения и каннибальской радости. Или что человек, проигравший важный бой, может в порыве чувств разрушить семейные святыни и проклясть богов, то есть совершить акт метафизического (и социального) самоубийства. Или что в поисках земной аналогии небес и земли балиец сравнивает первое с настроением человека, чей петух только

что выиграл, а второе – с настроением того, чей петух проиграл.

Бой

Петушиные бои (*тетадьен, сабунган*) проводятся на ринге размером около пятидесяти квадратных футов. Как правило, они начинаются ближе к вечеру и продолжаются часа три-четыре до захода солнца. В программу входят девять или десять самостоятельных матчей (*сехет*). Общая схема всех матчей одинакова: не бывает главного матча, отсутствует связь между ними, их формат неизменен и о каждом матче договариваются произвольно. После того как бои окончены и страсти улеглись (выплачены деньги по пари, все переругавшиеся отругались, останки побитых петухов распределены), семь-восемь, а иногда больше десяти мужчин тихонько пробираются на ринг вместе со своими петухами и стараются там подобрать для них подходящего противника. Это, как правило, занимает менее десяти минут, а иногда намного больше, и делается тихо, незаметно, подчас исподтишка. Тот, кто непосредственно этим не занят, наблюдает это занятие свысока, с некоторым презрением, тот, кто сам этим занимается, делает вид, будто ничего не происходит.

Когда пары подобраны, тот, кто не нашел соперника своему петуху, отходит в сторону все с тем же глубоко

безразличным видом, а выбранным петухам прикрепляют шпоры (*таджи*) – острые как бритва стальные сабли длиной четыре или пять дюймов. Это очень тонкая операция, ее умеют делать как следует человек пять из всей деревни. Человек, прикрепляющий шпоры, сам их и изготавливает, и если петух, которого он пришпорил, побеждает, то владелец победителя вручает ему ногу со шпорой побежденного петуха. Шпоры прикрепляют к ноге петуха длинной бечевкой. По ряду причин, о которых я еще скажу, это делается всякий раз по-разному, в каждом конкретном случае требуется особый подход. Существуют обширные знания на тему шпор: точить их следует исключительно в темноте, когда нет луны, на них не должны смотреть женщины и т. д. К ним всегда, в работе они или нет, относятся с теми особенными суетливостью и волнением, которые свойственны балийцам в отношениях с ритуальными предметами.

После того как шпоры прикреплены, два человека (необязательно владельцы) ставят петухов в центр ринга¹⁰. После чего берут кокосовый орех с неболь-

¹⁰ Если не считать совсем малозначительных боев с невысокими ставками (далее я более подробно остановлюсь на вопросе о «значительности» боев), владелец петуха обычно не занимается прикреплением шпор. Выводить самому владельцу петуха на бой или нет – это вопрос квалификации владельца, причем вопрос того же ряда, как и «значительность» боев. Когда же прикрепляют шпоры и выводят петуха на бой

шой дырочкой и бросают его в ведро с водой, он тонет в течение двадцати одной секунды; этот период называют *тьенг*, его начало и окончание знаменуют ударом гонга. В течение двадцати одной секунды люди, выводящие петухов на ринг (секунданты, *пенгангкеб*), не имеют права касаться своих подопечных. Если, как иногда случается, петухи не дерутся, их потом берут на руки, ерошат им перья, трясут их, пинают, всячески понукают и опять ставят в центр ринга. Все начинается по новой. Случается, что они вообще отказываются биться или же один из них все время убегает, в этом случае их запирают в одну клетку и там они волей-неволей начинают биться.

Обычно все же петухи почти сразу сходятся и начинают друг друга клевать, бить крыльями, ногами, в ярости столь животной, такой абсолютной и по-своему красивой, что, можно сказать, выражают абстрактную, платоническую ненависть. В мгновение ока один из них наносит другому удар шпорой, и тут-то его секундант немедленно подхватывает своего питомца,

не сами владельцы, то, как правило, их ближайшие родственники – брат или кузен – или очень близкие друзья. Таким образом, эти люди расширительно представляют личность владельца, о чем свидетельствует их обыкновение называть петуха «своим» и приговаривать: «Я сегодня бился с таким-то и таким-то». Тройки «владелец – прикрепляющий шпоры – секундант» обычно бывают фиксированные, хотя конкретные люди «одной команды» могут меняться ролями.

чтобы не дать ему получить ответный удар, ибо в этом случае бой может закончиться смертью обоих петухов, если они в ярости раздерут друг друга на части. Так случается, если шпора застревает в теле противника, ведь тогда судьба нападающего петуха полностью зависит от милости его раненого противника.

Когда птицы снова оказываются в руках секундантов, кокосовый орех опять бросают в ведро три раза подряд, после чего петуха, нанесшего удар, останавливают, чтобы показать, как он спокоен, иногда он сам неспешно начинает прохаживаться по рингу. После чего кокосовый орех бросают в ведро еще два раза, и бой возобновляется.

В этот интервал (в целом он длится чуть больше двух минут) секундант раненого петуха вокруг него страшно суетится, как тренер вокруг истерзанного боксера между раундами, чтобы тот был в состоянии выйти на последний, решающий бой. Он дышит ему в клюв, практически засовывая петушину голову целиком себе в рот, сосет ее и дышит в нее, взъерошивает ему перья, прикладывает к ранам разные снадобья и любым способом старается взбодрить его, всколыхнуть в нем оставшийся бойцовский дух. Когда он снова ставит его на землю, то сам обычно бывает перепачкан в петушиной крови, тем не менее в боях с высокими ставками хороший секундант ценится на вес

золота. Лучшие мастера могут буквально полумертвого петуха поставить на ноги перед вторым, финальным, раундом.

В этой решающей схватке (если она состоится; бывает, что раненый петух издыхает прямо на руках секунданта или сразу как только тот ставит его на ринг) петух, первым нанесший удар, обычно добивает своего ослабевшего противника. Но не всегда: если петух в силах двигаться, значит он может и биться, а если он может биться, то может убить соперника, и тогда весь вопрос в том, какой петух издохнет первым. Если раненый петух способен кое-как держаться на ногах, пока другой не упадет, он официально признается победителем, даже если сам он упадет и испустит дух секундой позже.

И весь этот спектакль – за которым тесно сплотившаяся вокруг ринга толпа следит в мертвой тишине, лишь движением тел, напоминающим движения животных, и жестами подбадривая своих ставленников, пожимая плечами, вертя головами, массой откидываясь назад, когда к краю ринга летит смертоносная шпора (говорят, что чрезмерно внимательно следящий за ходом боя зритель может лишиться глаза или пальца), и снова в едином порыве приникая к рингу, – обставлен целым корпусом чрезвычайно утонченных и подробно разработанных правил.

Эти правила вместе со множеством сопровождающих их историй на тему петухов и петушиных боев записаны на пальмовых листьях и скреплены в манускрипты (*лонтар, ронтал*), которые передаются из поколения в поколение вместе со всеми юридическими и культурными традициями деревни. Во время боя судья (*сая комонг; джуру кембар*) – человек, который занимается кокосовым орехом, – следит за их тщательным выполнением, и его авторитет непрекаем. Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы мнение судьи кем-нибудь оспаривалось, даже самыми отчаявшимися проигравшими, и ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-то, даже в частной беседе, обвинял его в несправедливости или жаловался на судейство. Эту работу выполняют только достойные, солидные и, учитывая сложность этого кодекса, знающие граждане, да и петухов приносят только на тот бой, которым руководят такие люди. К судье обращаются и в редких, но иногда все-таки происходящих случаях жульничества. Это ему приходится в тех исключительных случаях, когда оба петуха издыхают практически одновременно, решать, кто издох первым (или присуджать ничьи, хотя балийцы их очень не любят). Судей можно сравнить с судьей в суде, с царем, со жрецом или с полицейским – он воплощает в себе черты их всех, это под его руководством живот-

ная страсть к боям воплощается в строго узаконенной процедуре. Мне приходилось наблюдать на Бали десятки боев, и ни разу я не заметил отступления от правил. Более того, я вообще не заметил никаких различий, разве что петухи разные.

Подобная двойственность, которая, если рассматривать явление как природное, кажется выражением необузданной ярости, а как факт культуры может считаться полностью завершенной формой, определяет особенность петушиных боев как социологический предмет. Петушиные бои – это то, что в поисках названия для мероприятия, недостаточно организованного, чтобы назвать его группой, и недостаточно бесструктурного, чтобы назвать его толпой, Эрвинг Гоффман обозначил как «сфокусированное собрание», то есть группу людей, поглощенных общим потоком деятельности, относящихся друг к другу в рамках этой деятельности¹¹. Такие собрания сходятся и расходятся, их участники меняются, деятельность, которая их объединяет, дискретна; это процесс, который возобновляется от случая к случаю, а не постоянный процесс, длящийся во времени. Форма такого собрания определяется ситуацией, которая его порождает, то есть помостом, на котором, по выражению Гоффма-

¹¹ Goffman E. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis, 1961, p. 9–10.

на, они стоят, но все же это форма, и притом вполне определенная. Для конкретной ситуации помост создается сам собой, на совещаниях присяжных, во время хирургических операций, на партийных собраниях, во время акций протеста, петушиных боев, культурных мероприятий, здесь, как мы увидим, прославление противостояния статусов не только определяет фокус, но собирает актеров и готовит сценарий, то есть воплощает ситуацию в жизнь.

В классические времена (в данном случае до завоевания голландцами в 1908 году), когда на Бали не было бюрократов, которые пеклись бы о нравственности народа, организация петушиных боев была делом исключительно социетальным. Выставить петуха на важный, значительный бой было для взрослого мужчины необходимым гражданским долгом; налог, который взимался с петушиных боев, состоявшихся, как правило, в базарный день, служил важным источником пополнения общественной казны. В те времена покровительство искусствам считалось почетной обязанностью принцев, а петушиный ринг, *вантилан*, находился в самом центре деревни, поблизости от других памятников балийской гражданской жизни – дома, где собирается Совет, храма основания, базара, сигнальной башни и дерева баньян. Сегодня же, за исключением некоторых случаев, новые устои дела-

ют невозможным столь явное выражение связи между интересами общественной жизни и кровавым спортом, однако, хотя и не столь явная, эта связь остается все такой же тесной и незыблемой. Чтобы ее объяснить, нужно подробнее рассмотреть тот аспект петушиных боев, вокруг которого сконцентрированы все остальные и через который они с наибольшей силой проявляются, – аспект, на который я пока почти не обращал внимания. Речь идет, конечно же, об азарте.

Ставки равные и неравные

Балиец никогда не сделает просто то, что можно сделать сложно, и петушинные бои не являются исключением.

Во-первых, существуют два типа пари (*то*)¹² – одно главное пари в центре между хозяевами (*то кетенга*) и множество периферийных вокруг ринга, которые заключают зрители (*то кесаси*). Первое пари обычно заключается на крупную сумму; другие, как правило, на мелкие. Первое пари носит коллективный характер и заключается между коалициями держателей пари, концентрирующихся вокруг владельца петуха; другие носят индивидуальный характер и заключаются между двумя людьми. Первое заключается втихую, заранее обговаривается и затем обсуждается члена-

¹² Это слово буквально означает несмываемое пятно типа родимого пятна или прожилки в камне, также оно означает залог, который вносят в случае судебного разбирательства; поручительство; гарантии в случае займа; подмену кого-нибудь в юридическом или матримониальном контексте; задаток в деловой сделке; знак, который ставят в поле, чтобы показать, что принадлежность данного участка земли спорная; статус неверной жены, если ее муж требует у любовника удовлетворения или собирается уступить ее любовнику. См.: Korn. Het Adatrecht van Bali; Pigeaud Th. Javaans-Nederlands Handwoordenboek. Groningen, 1938; Juinboll H. H. Oudjavaansche-Nederlandsche Woordenlijst. Leiden, 1923.

ми коалиций, а судьи толпятся в центре ринга как заговорщики; прочие же заключаются в атмосфере импульсивного крика, открытых предложений, и открытых принятий, раздающихся по краям толпы. Что любопытно и, как мы увидим, наиболее показательно, *ставки в первом пари всегда, без исключений, равные, а ставки в других, также без исключений, всегда неравные*. В центре ринга всегда одна сумма, по краям всегда разные.

Центральное официальное пари заключают два владельца петухов, оно окружено целой сетью правил под надзором судьи, выступающего также свидетелем¹³. Это пари, которое, как я уже сказал, заключается на сумму относительно крупную, а иногда и очень крупную, никогда не обговаривается одними владельцами, от чьего имени оно заключается, но обязательно с участием четырех-пяти, иногда семи-восьми человек – родни, соседей, приятелей, близких друзей. Если владелец небогат, он даже не всегда бывает главным «вкладчиком», хотя должен внести от своего имени существенную сумму, чтобы отместить подозре-

¹³ Еще до начала боев первоначальные ставки пари могут быть повышены. Судья держит сделанные ставки до тех пор, пока не достигнуто окончательное соглашение, и по окончании боя вручает сумму победителю, стараясь, чтобы победитель и побежденный не имели дополнительных оснований для конфликта. Примерно десять процентов выигрыша идет самому судье и организаторам боев.

ния в сговоре.

В 57 матчах, после которых у меня сохранились точные и надежные данные о центральном пари, разброс был от 15 до 500 ринггитов, в среднем – 85 ринггитов, с примечательным трехмодальным распределением: мелкие бои (от 15 до 35 ринггитов с той и другой стороны), составляли 45 процентов от общего числа, средние (от 20 до 70 ринггитов с той и другой стороны) – примерно 25 процентов; и крупные (от 75 до 175 ринггитов с той и другой стороны) – около 20 процентов, с несколькими совсем мелкими и очень крупными боями вне крайних значений. В обществе, где нормальный дневной заработок неквалифицированного работника – кирпичника, обычного фермера или носильщика на рынке – составляет около трех ринггитов в день, а петушиные бои в том месте, которое я непосредственно наблюдал, устраиваются в среднем раз в два с половиной дня, – это очень серьезная игра, даже если крупные ставки чаще делают сообща.

Периферийные пари – дело другое. В противоположность спокойному, взвешенному тону обговаривания центра происходящее за пределами ринга, скорее, напоминает разбушевавшуюся биржевую стихию. Существует всем известная и неизменная парадигма ставок, включающая непрерывную серию от десяти к девяти на одном конце и до двух к одному

на другом: 10-9, 9-8, 8-7, 7-6, 6-5, 5-4, 4-3, 3-2, 2-1. Человек, который хочет поставить на *петуха-аутсайдера* (оставим пока в стороне вопрос о том, кто на каждый данный момент признан фаворитом, *кебут*, и аутсайдером, *нгаи*), выкрикивает меньшую цифру в пари, обозначая тем самым сумму, которую сам хочет получить. Если он выкрикивает «газал», «пять», значит он хочет поставить на аутсайдера пять к четырем (или, если смотреть с его точки зрения, четыре к пяти); если он выкрикивает «четыре», то хочет поставить четыре к трем (для него это будет означать три к четырем); если «девять», это значит девять к восьми и т. д. Человек же, ставящий на фаворита и тем самым рискующий потерять деньги, старается уменьшить сумму и выкрикивает масть петуха: «коричневый», «пятнистый» и т. д.¹⁴

¹⁴ Вообще-то достаточно сложная классификация петухов (я записал около двадцати классов, и это далеко не полный список) основывается не только на цвете, но и на целой серии самостоятельных взаимодействующих параметров, которая включает в себя – помимо цвета – размер, толщину костей, перья и темперамент. (Но не породу. Балийцы вообще не занимаются сколь бы то ни было серьезным инбридингом и, насколько мне удалось выяснить, никогда этим не занимались. Асиль, или петух джунглей, – основная бойцовая порода везде, где проводятся петушиные бои, но такого петуха можно купить по цене от 4–5 до 50 ринггитов практически на любом балийском базаре, где торгуют цыплятами.) Как правило, чтобы различить петухов, называют цвет, за исключением тех случаев, когда два разных с виду петуха имеют один и тот же цвет: тогда добавляются второстепенные признаки (с крупными пят-

Когда те, кто хочет получить больше денег, чем ставят (ставящие на аутсайдеров), проходят, выкрикивая, сквозь толпу, они приглядываются друг к другу иногда через весь ринг как к потенциальным партнерам по пари. Тот, кто хочет получить деньги, старается поднять сумму пари, его партнер стремится понизить сумму¹⁵. Тот, кто получает деньги, кто в данной

нами, с мелкими пятнами и т. д.). Типы петухов соотносятся с различными космологическими идеями, которые определяют подготовку матчей. То есть в один день сложного балийского календаря на восточной стороне ринга должен биться маленький петух с сильной головой, с коричневыми пятнами на белом фоне, с приглаженными перьями и тонкими ногами, а в другой – с северной стороны должен быть крупный осторожный черный петух с всклокоченными перьями и коренастыми ногами. Все это тоже записано на пальмовых листьях и служит предметом бесконечных обсуждений (к тому же у балийцев есть разные системы классификации); полномасштабный анализ символического аспекта классификации петухов был бы очень ценен и как дополнение к описанию петушиных боев, и сам по себе. Однако мой материал на эту тему, хотя довольно обширный и разнообразный, все же недостаточно полон и систематичен для такого анализа. О космологических представлениях балийцев см.: *Traditional Balinese Culture* / Ed. J. Belo; Bali: Studies in Life, Thought, and Ritual / Ed. J. L. Swellengrebel. The Hague, 1960; о календарных: *Geertz C. Person, Time, and Conduct in Bali: An Essay in Cultural Analysis*. New Haven: Southeast Asia Studies, Yale University, 1966, pp. 45–53.

¹⁵ Для этнографической полноты следует отметить, что человек, ставший на фаворита – тот, кто дает больше, чем получает, – может заключить пари, и он его выиграет, если его собственный петух выиграет или в случае ничьей (у меня не так много записей о матчах, но создается впечатление, что ничьи случаются один раз на пятнадцать-двадцать матчей). В этом случае он обозначает свое желание выкриком

ситуации выступает в роли инициатора, обозначает желательную сумму пари, держа перед собой руку с соответствующим числом отогнутых пальцев и отчаянно ею размахивая. Если находится человек, который принимает вызов, пари заключается, если нет, то поиски партнера продолжаются.

Эти пари, заключаемые вокруг ринга, после того как уже заключено центральное пари и сумма его оглашена, заявляют о себе нарастающим криком. Те, кто хочет поставить на петухов-аутсайдеров, выкрикивают свои ставки, в то время как те, кто собирается ставить на фаворитов, но недоволен предлагаемыми суммами, выкрикивают масть петуха столь же неистово, давая понять, что тоже хотят биться, но на более низкие суммы.

Почти всегда выкрики с обозначением ставки согласованны, то есть все выкрикивают примерно одно и то же, в порядке убывания – пять к четырем или четыре к трем – и затем, тоже согласованно, – в порядке возрастания с большей или меньшей степенью. Те, кто кричит «пять» и в ответ слышит только «коричневый», начинают кричать «шесть», заставляя таким образом и других выкрикивающих склониться к этой ставке, либо выбывают из борьбы, отступая перед более щед-

«сапи» («ничья»), а не обозначением масти петуха, но такого рода пари довольно редки.

рыми предложениями соперников. Если у всех ставки повышаются до шести, но это не находит отклика, то всё повторяется снова и происходит дальнейшее повышение ставок до семи и т. д.; лишь очень редко и в случае очень крупных боев ставки поднимаются до верхнего предела – до девяти или десяти. Иногда, если петухи неудачно подобраны, случается, что никакого движения вверх-вниз не происходит или, наоборот, начинается снижение до «четырёх к трем», «трех к двум» и совсем редко до «двух к одному» – что почти всегда означает сокращение числа пари, в то время как повышение ставок означает увеличение числа пари. Общая схема пари: происходит смещение вверх, в сторону повышения суммы, притом что большая часть пари заключается в диапазоне от «четырёх к трем» до «восьми к семи»¹⁶.

¹⁶ Детально точная динамика смещения ставок пари – один из самых интересных, сложных и, с учетом лихорадочной скорости этого процесса, трудный для изучения аспект боев. Чтобы его точно описать, требуется киносъемка плюс присутствие многих наблюдателей. Даже при импрессионистическом подходе – удел одинокого этнографа, оказавшегося в гуще такого мероприятия, – понятно, что одни и те же люди играют первую скрипку и в определении фаворитов (то есть первыми выкрикивают масть петухов, что в дальнейшем определяет ход борьбы), и в определении ставок пари; эти «лидеры общественного мнения» и есть самые опытные граждане-имеющие-дело-с-петушиными-боями. Если эти люди начинают менять свои предложения, другие следуют за ними; если они начинают заключать пари, другие следуют их примеру – хотя каждый раз есть много отчаянных игроков, которые упорно и

По мере приближения боя – это касается главным образом боев с высокими ставками центрального пари – крики тех, кто в последний момент старается найти партнера по доступным для себя ставкам, достигают апогея. (Когда ставки центрального пари низкие, то происходит обратное: заключение пари идет по угасающей, крики стихают, ставки становятся неравными, и люди постепенно теряют интерес.) В хорошо организованном матче с высокими ставками (такой балийцы считают «настоящим петушиным боем») толпа, которую, кажется, вот-вот захлестнет хаос, с ее приливами и отливами, когда все кричат, толкаются и хватают друг друга за одежду, производит сильное впечатление, и оно еще более усиливается, когда шум внезапно обрывается мертвой тишиной, будто кто-то вдруг перекрыл поток, и раздается удар гонга, возвещающий начало боя.

Когда бой заканчивается, то есть через промежуток времени от пятнадцати секунд до пяти минут, *все ставки тут же выплачиваются*. Никаких долговых расписок не бывает, во всяком случае для непосредственных участников пари. Можно, конечно, заранее занять деньги у приятеля, но, когда ты договарива-

несмотря ни на что повышают или понижают ставки. Но все же более подробное понимание этого процесса ждет того, кто даже в будущем вряд ли может появиться: исследователя-теоретика, обладающего точными наблюдениями индивидуального поведения.

ешься о пари с партнером, деньги должны быть уже в руках, и в случае проигрыша расплатиться надо тут же на месте, до начала следующего матча. Это железное правило, и так же как мне ни разу не довелось слышать о том, чтобы кто-то поставил под сомнение решение судьи (хотя, наверное, такое случилось), так ни разу я не слышал о неуплаченных пари, может быть, потому что в разгоряченной петушиными боями толпе последствия для обманщика наступят сразу и неотвратимо.

Формальная асимметрия между сбалансированным центральным пари и несбалансированными, случайными пари, которые заключаются за пределами ринга, представляет главную аналитическую проблему для теории, которая склонна рассматривать пари вокруг петушиных боев как связь самих боев с более широким контекстом балийской культуры. В ней предлагается путь решения этой задачи и демонстрируется сама эта связь.

Первое, что следует по этому поводу заметить: чем выше ставки центрального пари, тем более вероятно, что матч будет равным. Это подсказывает элементарная логика. Если вы ставите на петуха 15 ринггитов, вы можете рискнуть в надежде выиграть, даже понимая, что ваш петух слабее. Но если вы ставите 500, вам очень-очень не захочется рисковать. Таким

образом, для матчей, на которых заключаются крупные пари и в которых, конечно же, участвуют и лучшие петухи, стараются подбирать животных как можно более равных по размеру, физической форме, состоянию духа и т. д. И чтобы максимально обеспечить равенство возможностей, используются разные способы крепления шпор. Если один из петухов внешне кажется сильнее, то договариваются о том, чтобы прикрепить ему шпору в менее выгодное положение – ведь способы крепления шпор очень разнообразны. В этом случае будет предпринято максимум усилий для поиска искусного мастера, который умеет это делать.

Короче говоря, в матчах, на которых заключаются крупные пари, прикладываются очень серьезные усилия, чтобы сделать бой соревнованием с равными возможностями, – и все это осознают. Когда ставки пари средние, таких усилий предпринимается меньше, а при низких ставках – еще меньше, хотя почти всегда присутствует старание сделать шансы равными для всех. Ведь даже при ставках в 15 рингитов (пять дней работы) никто не хочет сильно рисковать. И снова статистика, которой я располагаю, это подтверждает. Из 57 матчей, о которых у меня есть записи, фаворит выиграл 35, аутсайдер – 24; соотношение – 1,4:1. Но если взять в качестве средней ставки центрального па-

ри 60 ринггитов, то соотношение в группе матчей, где ставки пари были выше, будет уже 1,1:1 (12 фаворитов, 11 аутсайдеров), а в группе матчей, где ставки пари были ниже, – 1,6:1 (соответственно, 21 и 13). Если же взять самые крайние ставки, то в нескольких матчах, где ставки достигли более 100 ринггитов, соотношение будет 1:1 (7 на 7), а в мелких боях, ставки пари в которых были ниже 40 ринггитов, соотношение будет 1,9:1 (19 и 10)¹⁷.

Из этого предположения – чем выше ставки центрального пари, тем более равные шансы имеют бьющиеся петухи – прямо или косвенно следует: 1) чем выше ставки центрального пари, тем больше тяга к неравным пари, заключаемым за пределами ринга, и наоборот; 2) чем выше ставки центрального пари, тем больше число пари, заключаемых за пределами рин-

¹⁷ Можно сказать, что отклонение от ожиданий равных шансов в матчах, ставки в которых не достигают более 60 ринггитов, имеет стандартную величину 1,38, или шансы играющего 8 к 100; а в матчах, ставки в которых ниже 40 ринггитов, стандартное отклонение 1,65, или шансы 5 к 100. Отклонения не так уж велики, и это лишний раз доказывает, что даже при относительно невысоких ставках предпринимаются усилия, чтобы уравнивать шансы соревнующихся петухов. Речь идет лишь о том, что в менее значимых матчах эта цель не вызывает столь сильного напряжения, как в важных матчах, но не о том, что она вовсе отсутствует. Тенденция делать равные ставки в центральном пари еще более поражает и наводит на мысль, что такая организация не случайна – балийцы знают что делают.

га, и наоборот.

Логика в обоих случаях одинакова. На деле, чем ближе бой к равным ставкам, тем менее привлекательным является верхний предел ставок, поэтому меньшие ставки более привлекательны. Это следует и из собственных высказываний балийцев, и из систематизированных мною наблюдений, которые удалось собрать в ходе экспедиции. Точно и полно описать периферийные пари очень сложно, поэтому сложно облечь аргумент в числовую форму, но, по моим записям, большая часть согласованных ставок по периферийным пари куда значительно смещается в сторону меньших сумм в матчах с высокими ставками центральных пари, чем в матчах с низкими ставками центральных пари, а в матчах со средними ставками остается ближе к середине. Разумеется, в деталях бывают отклонения, но общая схема достаточно констативна: сила центрального пари подтягивать периферийные пари к собственной модели равных ставок прямо пропорциональна размеру центральной ставки, а размер этой ставки прямо пропорционален тому, насколько тщательно подобраны равные по силе пети. Что же касается числа заключенных пари, то на матчах с высокими ставками заключается больше периферийных пари, поскольку такие матчи считаются «более интересными» не только потому, что их исход

в меньшей степени предсказуем, но и потому что в них больше поставлено на карту – с точки зрения и денег, и петухов, и, как мы увидим, социального престижа¹⁸.

Наиболее очевидный парадокс – сочетание симметричных пари в центре, с разными ставками периферийных пари. Две сосуществующие системы ставок, хотя формально несовместимы, на самом деле не противоречат друг другу, а служат частью более широкой системы, в которой центральное пари – своего рода «центр притяжения», который заставляет ставки в периферийных пари смещаться в сторону мелких сумм. Таким образом, центральное пари «делает игру» или, точнее, определяет ее, свидетельствуя о том, что вслед за Иеремией Бентамом я хочу

¹⁸ Сокращение числа заключаемых пари в небольших боях (что ведет к умалению их значения; одна из причин, по которой люди находят небольшие бои малоинтересными, – это то, что в них заключается меньше пари, и наоборот) идет тремя взаимосвязанными путями. Во-первых, люди попросту теряют интерес, отходят от ринга, пьют кофе, говорят с приятелями. Во-вторых, балийцы не умножают деньги на коэффициент, а заключают пари прямо по предложенным ставкам. Например, в ставках 9 к 8 они ставят соответственно 9 и 8 ринггитов, в ставках 5 к 4 ставят 5 и 4 ринггита. Таким образом, в ставках 10 к 9 участвует в 6,3 раза больше денег, чем в ставках 2 к 1, а в мелких боях ставка обычно повышается. Наконец, гораздо чаще пари заключается по одному пальцу, а не по двум, трем, четырем или пяти. (Число пальцев указывает на коэффициент умножения. Например, два пальца в пари 6 к 5 означает, что человек хочет поставить 10 ринггитов на аутсайдера против 12 на фаворита, три пальца в пари 8 к 7 означают 21 ринггит против 24 и т. д.)

назвать «глубиной».

Балийцы стремятся организовать интересный, можно сказать, «глубокий» матч, заключая центральное пари на как можно более крупную сумму, чтобы было предпринято максимум усилий для подбора равных по силе и достойных друг друга петухов и, таким образом, исход боя оказался бы непредсказуемым. Это не всегда удается. Примерно половина матчей получаются довольно тривиальными и не очень интересными – я бы их назвал мелкими. Но это несколько не противоречит моей концепции, как не противоречит наличие большого числа посредственных художников, поэтов и драматургов точке зрения, согласно которой усилия художника направлены на достижение глубины. Образ артистической техники довольно точен: центральное пари – это средство, приспособление для создания интересных, «глубоких» матчей, но *не причина*, по крайней мере не главная причина, *почему* они получаются интересными; оно – источник их привлекательности, субстанция их глубины. Размышление о том, почему такие матчи интересны – а для балийцев обладают необычайной притягательностью, – перенесет нас из области формальных соображений в более широкий социологический и социопсихологический контекст и даст возможность понять, и не только с экономической точки зрения, в чем

«глубина» этой игры¹⁹.

¹⁹ Помимо ставок, существуют и другие экономические аспекты петушиных боев. В частности, они тесно связаны с местной системой базара, хотя это играет второстепенную, но все же не последнюю роль в мотивации и функционировании этого института. Петушиные бои открыты для посещения публики, прийти на них может любой желающий, некоторые даже приезжают издалека, но подавляющее большинство боев – 90, может, даже 95 процентов – сугубо локальные мероприятия, значимость которых ограничивается не деревней, даже не административным делением, а исключительно системой местного базара. На Бали распространена трехдневная базарная неделя с чередованием дней по известной солнечной календарной системе. Хотя сами базары никогда здесь не были сильно развиты – просто по утрам в центре деревни на площади торгуют люди, но все же ядро зрителей и участников петушиных боев (в общем, почти все они происходят из микрорайона в десять-двадцать квадратных миль, то есть семь или восемь близлежащих деревень) выделяется на основе такого чередования (на современном Бали это от пяти до десяти тысяч человек). Большинство боев организуется и финансируется небольшими объединениями мелких сельских купцов под предлогом того, что петушиные бои полезны для торговли, поскольку они, мол, «выманивают деньги из дома, пускают их в оборот». Прилавки с товаром, разнообразные азартные игры расположены по краю торговых рядов, так что все происходящее напоминает небольшую ярмарку. Соединение петушиных боев с рынком и рыночными торговцами идет издревле, на что указывает их совместное упоминание во многих письменных источниках [Goris R. *Prasasti Bali*, 2 vols. Bandung, 1954]. Много веков петухи и торговля идут рука об руку, и место, где происходит и то и другое, всегда способствовало развитию денежных отношений.

Игра с огнем

Иеремия Бентам ввел понятие «глубокая игра» в книге «Теория законодательства»²⁰. Так он называет игру, в которой ставки настолько высоки, что, с его утилитаристской точки зрения, неразумно вообще в нее ввязываться. Если человек, зарабатывающий тысячу фунтов (или рингитов), ставит пятьсот из них на равное пари, предельная выгода каждого фунта, который он может выиграть, для него меньше, чем предельный ущерб от того, что он может проиграть. В действительно глубокой игре оба играющих оказываются в таком положении. Они оба рискуют головой. Явившись играть удовольствия ради, они вступают в отношения, которые принесут участникам больше боли, чем удовольствия. Бентам пришел к выводу, что глубокая игра аморальна, с точки зрения общих норм, и поэтому – характерное для него умозаключение – должна быть законодательно запрещена.

Но для нас интересна не столько связанная с игрой этическая проблема, сколько то, что, несмотря на логическую убедительность бентамовского анализа, люди все же вступают в такую игру, делают это страст-

²⁰ См.: International Library of Psychology. 1931, примеч. к с. 106; Fuller L. L. The Morality of Law. New Haven, 1964, p. 6 ff.

но и часто – под угрозой мести закона. Бентам и те, кто думает так же, как и он (в наши дни это большей частью юристы, экономисты, некоторые психиатры), объясняют это иррациональностью игроков: они, мол, наркоманы, фетишисты, дети, идиоты, дикари, которых следует защищать от них самих. Однако балийцы, хотя и не могут столь определенно сформулировать свою позицию, ищут объяснение в том, что в такой игре деньги служат не столько выражением полезности, которую получают или ждут, сколько символом моральной значимости, которая воспринимается или создается.

Понятия полезности и бесполезности в связи с деньгами в обычном, нерасширительном, смысле в большей степени служат синонимом удовольствия и боли, счастья и несчастья, когда речь идет о мелких играх, в которых задействованы относительно мелкие денежные суммы. В глубоких же играх, в которые вовлечены крупные суммы денег, на кон ставится нечто большее, чем материальная выгода: уважение, честь, достоинство, почтение – то есть статус, хотя на Бали это слово обременено другими смыслами²¹. Но ста-

²¹ Конечно, даже Бентам не сводит полезность только к денежным потерям и приобретениям и все утверждаемое мною следует более осторожно свести к отрицанию того, что для балийцев, как и для других народов, полезность (удовольствие, счастье и т. д.) просто идентифицируется с богатством не совсем корректно. Однако терминологические

вится символически, поскольку исход петушиных боев фактически никоим образом не меняет чей-либо статус (несколько случаев, произошедших с действительно одержимыми игроками, не в счет), лишь может на какое-то время его укрепить или пошатнуть. Однако для балийцев, а для них нет ничего более приятного, чем выказать кому-то не очень явный афронт, и ничего более неприятного, чем стать объектом такого поведения, – особенно когда все это происходит в присутствии общих знакомых, которых не обманешь чисто внешними знаками, – все это достаточно глубокая драма.

Из этого вовсе *не следует*, должен сразу заметить, что деньги вообще не имеют значения или что балийцам все равно, потратить пятьсот или пятнадцать ринггитов. Такие выводы были бы абсурдны. Именно потому что в этом нематериалистическом обществе деньги *имеют* значение, и притом очень большое, чем большей суммой человек рискует, тем больше он одновременно рискует такими вещами, как гордость, самообладание, бесстрашие, мужественность. И пусть рискует он этим тоже ненадолго, но зато публично. В глубоких петушиных боях владелец и те, кто выступает вместе с ним, а также, хотя и в мень-

проблемы второстепенны по сравнению с самым главным: петушиные бои не рулетка.

шей степени, как мы увидим далее, те, кто ставит на его петуха, рискуют и деньгами, и статусом.

Именно *потому*, что бессмысленность потери при высших ставках пари столь очевидна, заключать такие пари означает иносказательно и метафорично ставить на кон наряду с петухом свое публичное «я». Хотя, с точки зрения последователя взглядов Бен-тама, это еще больше усиливает иррациональность предприятия, балиец именно в этом усматривает его значительность. И поскольку (здесь мы скорее последуем за Вебером, чем за Бен-тамом) наделение жизни смыслом – главное и первое условие человеческого существования, доступ к значимости более чем компенсирует сопутствующие экономические затраты²². Собственно говоря, если иметь в виду равные став-

²² Weber M. *The Sociology of Religion*. Boston, 1963. Понимается, в углублении значения при помощи денег нет ничего специфически балийского. Об этом свидетельствует, например, описание Уайтом мальчишек на перекрестках рабочего квартала Бостона: «Азартные игры чрезвычайно важны для населения Корнвилля. Во что бы ни играли здесь мальчишки, они всегда заключают пари на результат. Если на игру ничего не поставлено, то считается, что и играть нечего. Это, правда, не означает, что финансовый элемент в игре – единственно важный. Мне много раз приходилось слышать от людей, что честь победителя значит для них больше, чем денежный выигрыш. Мальчишки рассматривают игру на деньги как настоящую проверку своего мастерства, до тех пор пока человек не покажет хороший результат в игре, на которую поставлена крупная сумма, он не считается достойным соперником» (Whyte W. F. *Street Corner Society*. 2d ed. Chicago, 1955, p. 140).

ки в крупных матчах, материальное положение постоянных игроков практически не меняется, поскольку при равной силе петухов выигрыш и проигрыш случаются более или менее с одинаковой частотой. И наоборот, в малозначительных, мелких боях можно действительно что-то выиграть, и там, где толпятся по-настоящему одержимые игроки – те, кто пришел *только* из-за денег, происходят «реальные» изменения в социальном положении, и, как правило, в сторону снижения. Однако таких людей, азартных игроков, «истинные игроки» петушиных боев презирают, считают дураками, которым чужды подлинные спортивные ценности и которые просто не понимают, в чем суть всей этой затеи. Одержимые деньгами игроки – законная добыча настоящих энтузиастов, понимающих, как играть; они без труда могут вовлечь такого одержимого в рискованное пари на матче с участием не равных по силе петухов. Большинству одержимых действительно случается за короткое время полностью разориться, но все равно, несколько таких персонажей постоянно присутствуют на боях; они закладывают свою землю, продают одежду, чтобы только иметь возможность постоянно участвовать в пари²³.

²³ Крайности, до которых доводит некоторых страсть к игре, демонстрирует балийская народная сказка «И Туунг Кунинг». Игрок настолько одержим своей страстью, что, отправляясь в путешествие, наказывает

Такая дифференцированная корреляция «игры на статус» с более глубокими боями и, наоборот, «игры на деньги» с более мелкими боями стала, в общем-то, обычным явлением. Исходя из этого и сами участники пари выстраиваются в социоморальную иерархию. Как уже говорилось, на большей части петушиных боев по краям ринга организуется много азартных игр (рулетка, кости, кидание монетки и «боб под ракушкой» – вариант «наперстка»). В них играют только женщины, дети, подростки и другие категории населения – нищие, социально или психологически отторгаемые, – те, кто не участвует вообще (или пока) в петушиных боях. Ставки в таких играх ничтожно малы. Мужчины, которые могут участвовать в петушиных боях, стыдятся к ним даже близко подойти. В следующую категорию населения входят те, которые, хотя и не участвуют сами в петушиных боях, в мелких матчах

беременной жене заботиться о младенце, если он родится мальчиком, и скормить его бойцовым петухам, если это окажется девочка. Родается девочка, однако петухам мать скармливает крупную крысу, а дочку прячет у своей матери. Когда муж возвращается, петухи звоном колокольчиков сообщают ему об обмане, и он, разъяренный, собирается убить ребенка. Тогда с небес спускается богиня и забирает девочку с собой на небеса. Петухи умирают, отравившись едой, игрок вновь обретает здравый рассудок, и богиня отдает девочку отцу, который возвращается к жене. Эту сказку под названием «Geel Komkommertje» можно прочитать в книге: Hooykaas-van Leeuwen Boomkamp J. Spookjes en Verhalen van Bali. The Hague, 1956, p. 19–25.

заклучают пари вне ринга. Далее следуют те, которые выставляют своих петухов в небольших или средних матчах, но статус их недостаточно высок, чтобы участвовать в крупных матчах, хотя они время от времени и делают ставки. И наконец следуют достойные члены общества, солидные граждане, вокруг которых кипит общественная жизнь, которые участвуют в крупных боях и заключают пари. Фокусирующий элемент в такого рода сфокусированном сборище, эти люди определяют игру и лидируют в ней, так же как определяют общество и лидируют в нем. Когда разговаривают балийские мужчины, в благоговейном тоне обсуждая «истинных игроков на петушиных боях», участников пари, *бебатох* и держателей клеток, *джуру курунг*, они имеют в виду именно этих людей и отнюдь не тех, кто привносит идеологию игры «боб под ракушкой» в иной, совершенно неподходящий контекст петушиных боев, и не одержимых азартных игроков, *потет*, и не праздных прохожих. Для таких людей то, что происходит на матче, ближе к *affaire d'honneur*, делу чести (несмотря на то что пролитая там кровь лишь фигурально может считаться людской), чем к тупой механической игре с «одноруким бандитом».

Глубину балийским петушиным боям придают не деньги как таковые, но то, что деньги (чем больше сумма, тем сильнее) могут вызвать, – миграцию ба-

лийской статусной иерархии в область петушиных боев. Психологически Эзопова репрезентация идеального/демонического, в значительной степени нарциссического мужского «я» с социологической точки зрения – такая же Эзопова репрезентация сложного комплекса напряжений, которые установлены контролируемыми, приглушенными, облаченными в церемонию, но все же глубоко прочувствованными взаимодействиями этих «я» в контексте повседневной жизни. Пусть петухи лишь суррогаты своих владельцев, животное зеркало психических форм, но петушиные бои организованы как имитация социальной матрицы, системы взаимодействующих, перетекающих друг в друга корпоративных групп – деревень, групп родственников, ирригационных сообществ, храмовых общин, «каст»²⁴. И наряду с престижем необходимость его подтвердить, защищать, прославлять, оправдывать и просто наслаждаться им (но, учитывая строго обязательный характер балийской стратификации, не искать его) – главная, по всей вероятности, дви-

²⁴ Более полное описание структуры сельского балийского общества см.: Geertz C. «Form and Variation in Balinese Village Structure» // *American Anthropologist*. 1959, N 61, p. 94–108; «Tihingan, A Balinese Village» // Koentjaraningrat R. *Villages in Indonesia*. Ithaca, 1967, p. 210–243; а также, хотя это немного выбивается из темы балийской деревни: Korn V. E. *De Dorpsrepubliek tnganan Pagringsingan*. Santpoort, Netherlands, 1933.

жущая сила общества. Но то же относится – если отвлечься от блуждающих половых членов, кровавых жертвоприношений и денежного обмена – и к петушиным боям. Это очевидное развлечение и кажущийся спорт здесь, если вновь говорить словами Эрвинга Гоффмана, – «кровавая бойня статусов» (a status bloodbath)²⁵.

Проще всего это объяснить на примере все той же деревни, где я ближе всего наблюдал петушиные бои, собирая статистический материал, и где произошла описанная мной облава.

Деревня Тиинган в Клунгкунгском районе юго-восточного Бали, как и все другие балийские деревни, имеет очень сложную организацию – это настоящий лабиринт альянсов и оппозиций. Но в отличие от других здесь выделяют два вида корпоративных групп, которые можно также назвать статусными группами, и имеет смысл рассмотреть эти группы как части целого без лишнего искажения.

Во-первых, важную роль в деревне играют четыре крупные патрилинейные, частично эндогамные родственные группы, которые противостоят друг другу и составляют основные фракции, на которые делится деревня. Иногда они группируются по две и две – точнее, две более крупные против двух поменьше и лю-

²⁵ Goffman E. Encounters, p. 78.

дей, которые не входят в группы; иногда они действуют каждая за себя. Внутри этих групп существуют подфракции, а также подфракции внутри подфракций и так далее до мельчайших группировок. Во-вторых, деревня выступает как целое, как одна почти полностью эндогамная группа, когда речь идет о противопоставлении другим деревням в округе для организации петушиных боев (которые, как уже говорилось, собирают население вокруг того или иного рынка). В этом качестве деревня может заключать союзы с кем-то из соседей против кого-то другого в различных «наддеревенских» политических и социальных контекстах. Таким образом, ситуация, как и везде на Бали, вполне определенная, однако паттерн многоярусной иерархии противостояния статусов между в высшей степени корпоративными, но по-разному обоснованными группировками (и, следовательно, между их членами) носит самый общий характер.

В связи с этим стоит принять во внимание – в поддержку общего тезиса, что петушиные бои, главным образом глубокие петушиные бои, в основе своей являются драматизацией проблемы статусов – следующие факты, которые, чтобы не перегружать текст пространными этнографическими описаниями, я просто перечислю (хотя каждый из них может быть подкреплен конкретными и многочисленными данными, при-

мерами, суждениями и числами).

1. Никто не заключает пари против петуха, который принадлежит члену его родственной группы. Как правило, человек чувствует себя обязанным ставить на него, это чувство тем больше, чем теснее родство и чем глубже игра. Если в душе человек уверен, что этот петух не выиграет, то уж лучше совсем не будет делать ставки, особенно если этот петух принадлежит лишь его двоюродному кузену или если матч мелкий. Но, как правило, он все-таки чувствует себя обязанным поставить на эту птицу и, если матч глубокий, практически всегда ставит. Так что большая часть людей, демонстративно кричащих «пять» или «в пятнах», выражают тем самым свою поддержку родственнику, а не уверенность в силе петуха или некоторые вероятностные оценки и даже не надежды на быстрое денежное обогащение.

2. Логическое продолжение предыдущего тезиса. Если ваша родственная группа в матче не участвует, вы аналогичным образом будете поддерживать дружественную вам родственную группу против недружественной родственной группы и так далее с учетом очень сложной системы альянсов, которые, как я уже говорил, и есть балийская деревня.

3. То же относится и к деревне как к целому. Если петух со стороны бьется с петухом из вашей деревни,

то следует поддерживать «своего» местного петуха. Если, что случается реже, но все же случается, петух не отсюда бьется с петухом из этой округи, то болеть следует за «домашнюю птицу».

4. Почти всегда в фаворитах оказываются петухи, привезенные откуда-нибудь, поскольку считается, что никто не будет везти плохого петуха. И чем дальше место, откуда привезен петух, тем лучше работает это правило. Конечно, такого петуха по обязанности поддерживают сторонники его владельца, когда же устраиваются крупные бои (по праздникам и т. д.), люди приносят петухов, которые считаются лучшими в деревне, невзирая на то, кому они принадлежат. И при этом им почти наверняка приходится ставить на них большие суммы: ведь надо показать, что в их деревне не скряги живут. Как правило, такие «игры на выезде», хотя и случаются не часто, консолидируют деревню, примиряют и сплачивают противостоящие друг другу на «внутренних матчах» фракции.

5. Почти все матчи социологически релевантны. Редко бывает, чтобы бились два петуха-аутсайдера или два петуха, за которыми не стоят определенные группы поддержки или за которыми стоят группы, не имеющие друг к другу вполне определенного отношения. Если все же такое случается, игра наверняка получается мелкой, пари заключаются вяло, все очень

скучно, интерес к такой игре проявляют только непосредственные участники и завзятые игроки.

6. Поэтому крайне редко бьются между собой два петуха из одной группы, еще реже – два петуха из одной подфракции группы и практически никогда – из подфракции внутри подфракции (это, по сути, расширенная семья). Аналогичным образом в боях с участием двух или нескольких деревень в одном матче крайне редко встретятся петухи из одной деревни, даже если на родине они бы составили идеальную по всем правилам пару.

7. На уровне межличностных отношений люди, находящиеся в институционализированных отношениях враждебности (их называют *луик*), которые не разговаривают друг с другом или еще каким-то образом проявляют вражду (причин для формального разрыва отношений может быть много: один увел у другого жену, споры из-за наследства, принадлежность к разным политическим группировкам), склонны намеренно, подчас маниакально заключать между собой очень жесткие пари, предметом которых, по существу, становится вопрос о мужском достоинстве – основе статуса оппонента.

8. Коалиция, которая заключает центральное пари, во всех матчах, кроме самых мелких, всегда включает в себя только структурных союзников – в таком пари

никогда не участвуют «деньги со стороны». Что в каждом случае означает «со стороны», обычно зависит от контекста, но, так или иначе, деньги со стороны в центральное пари не включаются: если главные участники не имеют средств, чтобы его заключить, то его вообще не заключают. Таким образом, центральное пари, опять же, особенно в глубоких матчах, – наиболее прямое и открытое выражение социальной оппозиции. Это одна из причин того, что и оно само, и организация матчей окружены атмосферой тревоги, тайны, раздражения и т. п.

9. Аналогичные соображения – и балийцы прекрасно это понимают – вызвали к жизни правило, связанное с займом денег: занимать можно *для* пари, но не *в самом* пари. То есть вы никогда *экономически* не полагаетесь на милость оппонента. С точки зрения структуры, игровой долг, который за короткий срок иногда достигает вполне приличного размера, может быть только по отношению к другу, но никогда – по отношению к врагу.

10. Если петухи в паре структурно вообще не связаны или связаны нейтральным по отношению *к вам* образом (хотя, как уже говорилось, так почти никогда не бывает), то вы не можете даже спросить родственника или друга, на кого он ставит. Ведь если вы узнаете, на кого ставит он, и он, в свою очередь, узнает, что

вы об этом знаете, после чего вы поставите на другого петуха, то это может привести к обострению отношений. Это правило соблюдается в деталях и строго; порой принимают очень сложные, даже искусственно созданные предосторожности, чтобы его не нарушить. В самом крайнем случае вам придется делать вид, что вы не замечаете, что делает он, а ему – что делаете вы.

11. Существует особое слово, которое означает «заключать пари вопреки», это же слово означает «извините» (*мпура*). Это считается поступком нехорошим, хотя в матчах с низкими ставками центрального пари – вполне простительным; также вам прощается, если вы нарушаете правила не слишком часто. Но чем выше ставки центрального пари и чем чаще вы делаете это, тем больше это «извините» может подмочить вашу социальную репутацию.

12. На самом деле часто институционализированные враждебные отношения, *луик*, формально берут начало (хотя причины всегда бывают другие) с такого «извините», но в глубокой игре это как бы подливает символического масла в огонь. Аналогичным образом знаком окончания вражды и восстановления нормального социального взаимодействия может считаться (хотя опять же причины бывают другие) поддержка петуха своего недавнего противника.

13. В неприятных, двусмысленных ситуациях, когда отношения вражды и поддержки приходят в противоречие друг с другом (а это нередко случается при такой сложной социальной системе) и приходится выбирать между обязательствами равной силы по отношению к разным людям, человек иногда бывает вынужден отойти от ринга и выпить кофе, чтобы пропустить тот или иной матч, – такое поведение напоминает действия американских избирателей в сходной ситуации²⁶.

14. Люди, вовлеченные в центральные пари (особенно в глубоких матчах), – это почти всегда лидеры своей группы: рода, деревни и т. д. Далее, те, кто участвует в периферийных пари, – это, как я писал выше, полноправное население деревни, достойные граждане. Петушинные бои – для тех, кто принимает участие в политической жизни, кто заботится о своем престиже, не для молодежи, не для женщин, не для занимающих подчиненное положение и т. д.

15. Что касается денег, то принято считать, что в целом они играют второстепенную роль. Нельзя сказать, как я уже писал, что они не имеют значения; балиец точно так же расстроится, проиграв почти месячный заработок, как и любой другой человек. Но на фи-

²⁶ Berelson B. R., Lazarsfeld P. F., McPhee W.N. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago, 1954.

нансовый аспект петушиных боев принято смотреть как на самоорганизующийся, как на циркуляцию денег внутри строго определенной группы серьезных «бойцов». По-настоящему серьезные выигрыши и проигрыши здесь принято оценивать с других позиций. К ставкам принято относиться не как к возможности нажиться или сорвать куш (исключение, разумеется, составляют одержимые игроки); общее отношение можно выразить словами «дай Бог остаться при своих». Но если говорить о престиже, то речь идет не о том, чтобы остаться при своих, а о том, чтобы выиграть, и выиграть быстро и ярко. Все время только и говорят о том, что ваш петух побил такого-то петуха, принадлежащего такому-то, а вовсе не о том, сколько денег вы выиграли. Последнее обстоятельство даже в случаях с крупными пари люди вообще редко помнят, хотя они могут годами помнить день, когда их петух побил лучшего петуха Пан Ло.

16. Независимо от отношений лояльности вы все равно должны ставить на петухов из вашей группы, иначе люди будут говорить: «Что такое? Ему гордость не позволяет иметь дело с нами? Может, этот важный человек хочет поехать на Яву или в Денпасар (столицу) и там делать ставки?» Так что заключать пари следует не только для того, чтобы показать, что вы достаточно важный в своей округе человек, но и для то-

го, чтобы показать, что вы не настолько важничаете, чтобы пренебрегать своими односельчанами. Аналогично, если бои организуются на территории вашей деревни, следует ставить против петухов со стороны, тогда люди из других деревень не обвинят вас в том, что вы только берете входную плату, а сами игрой во все не интересуетесь (это достаточно серьезное обвинение), а также в том, что вы горды и заносчивы.

17. Наконец следует отметить, что сами балийские крестьяне все эти правила знают и могут их сформулировать (по крайней мере для этнографа) почти в тех же словах, что и я. Участвовать в петушиных боях, и это подтверждает почти каждый балиец, с которым мне приходилось об этом говорить, это все равно что играть с огнем и не обжечься. Игра активизирует вражду и соперничество разных родственных групп, но в «игровой» форме: можно подойти на опасно близкое расстояние к открытому и прямому выражению межличностной и межгрупповой агрессии (чего, опять же, почти никогда не происходит при нормальном течении жизни), но при этом взрыва не происходит, поскольку все это «только петушиные бои».

Можно было бы привести и другие наблюдения, но главное, наверное, отмечено, и основной вывод можно сформулировать в виде следующей формальной парадигмы.

Чем больше в ходе матча различий...

1) между почти равными по статусу (и/или личными врагами);

2) между индивидами высокого статуса, тем глубже матч.

Чем глубже матч...

1) тем в большей степени петух идентифицируется с человеком (точнее, чем глубже матч, тем вероятнее человек выставит своего самого лучшего петуха, с которым он себя в наибольшей степени идентифицирует);

2) тем лучше петухи, выставленные на ринг, и тем более вероятно, что биться будут равные по силе петухи;

3) тем больше возникает эмоций и тем в большей степени публика поглощена матчем;

4) тем выше ставки центрального и периферийных пари и тем меньше будет разница в ставках и больше пари в целом будет заключено;

5) тем меньше «экономического» и больше «статусного» будет в боях, и тем более «солидные» граждане будут принимать в них участие²⁷.

²⁷ Поскольку это формальная парадигма, она иллюстрирует логическую, не причинно-следственную структуру петушиных боев. Какое из данных положений каким обусловлено, в каком порядке, каковы механизмы взаимовлияния – это другой вопрос, на который я пытался пролить свет, обсуждая общие вопросы.

Обратные по смыслу утверждения насчет того, что происходит, чем мельче будут бои, ведут нас в конечном счете к бросанию монетки, игре в кости и другим развлечениям такого рода. Для глубоких боев не существует абсолютного верхнего предела, хотя, разумеется, есть практический предел, и ходит много почти сказочных легенд о великих «дуэлях под солнцем» между лордами и принцами (петушиные бои всегда были не только народной, но и элитарной забавой) и которые были гораздо глубже, чем те, что происходят на Бали сегодня, даже с участием аристократии.

В самом деле, один из главных героев в балийской культуре – принц, имя которого (Петушиный боец) отражает его спортивную страсть, – однажды был вовлечен в очень глубокие петушиные бои против соседнего принца, когда вся его семья – отец, братья, жены и сестры – были убиты захватчиками. Избежавший таким образом печальной участи своих родственников, он вернулся домой, чтобы разделаться с узурпатором, вернуть себе трон, восстановить балийские традиции и построить могущественное, славное и процветающее государство. В бойцовых петухах балийцы видят не только себя самих, свой социальный порядок, абстрактную ненависть, мужественность, демоническую силу, но и архетип статусной

доблести, гордого, решительного, одержимого честолюбием игрока, принца-кшатрия²⁸.

²⁸ В другом сборнике народных сказок, опубликованных Хойкаасом-фан Лееуеном Боомкампфом («De Gast», Sprookjes en Verhalen van Bali, p. 172–180), один искушенный игрок на петушиных боях из низшей касты шудр – щедрый, почтительный и беззаботный – несмотря на весь свой опыт, однажды проигрывает один матч за другим и оказывается в конце концов не только без денег, но и с последним петухом. Он, однако, не отчаивается и говорит: «Я ставлю... Невидимый мир». Его жена, хорошая, работающая женщина, зная, какое удовольствие он получает от петушиных боев, дает ему свои последние, на черный день отложенные деньги, чтобы он пошел на бои и сделал ставки. Однако, удрученный свалившимися на него неудачами, он оставляет собственного петуха дома и идет только затем, чтобы заключить пари на стороне. Он снова проигрывает почти все, у него остается лишь пара монет, и он отходит к киоску купить еды; он встречает дряхлого зловонного и весьма неаппетитно выглядящего нищего старика. Старик просит подать ему еды, и герой тратит свои последние монеты, чтобы что-то купить старику. После чего старик попросился переночевать у героя, и герой с радостью приглашает его. Еды в доме нет, и герой велит жене нарезать к обеду последнего петуха. Когда об этом узнаёт старик, он рассказывает герою, что в хижине в горах у него есть три петуха, и предлагает взять одного из них для участия в боях. Он также просит сына героя пойти с ним в качестве слуги, и сын соглашается. Выясняется, что старик – это Шива и живет он в великолепном дворце на небесах, но герой пока этого не знает. Со временем герой решает навестить сына и забрать обещанного петуха. Оказавшись перед Шивой, он должен выбрать своего петуха из трех. Первый прокукарекал: «Я победил пятнадцать соперников». Второй прокукарекал: «Я победил двадцать пять соперников». Третий прокукарекал: «Я победил короля». Я выбираю этого, третьего», – сказал герой и спустился с ним на землю. Когда он явился на петушиные бои, у него спросили входную плату. «Денег у меня нет, – ответил он. – Я расплачусь после того, как мой петух победит». Но поскольку за ним уже

укрепилась слава человека, который никогда не побеждает, то его впускают лишь потому, что на этих боях присутствует король, который его не любит и надеется сделать своим рабом, после того как тот проиграет и не сможет расплатиться. Чтобы обеспечить именно такой исход, король ставит своего лучшего петуха против петуха героя. Когда петухов ставят на ринг, петух героя взлетает, и толпа, подзадоренная королем, начинает безудержно смеяться. Тогда петух подлетает к королю и ударом шпоры в горло убивает его. Герой сбегает. Его дом окружают королевские воины. Петух превращается в Гаруду, мифологическую птицу из индийской легенды, и благополучно уносит героя и его жену на небеса. Люди делают героя королем и его жену королевой, и те возвращаются на землю. Позже их сын, которого Шива отпускает, тоже возвращается, а герой-король сообщает о своем намерении стать отшельником. («Я не приду больше на петушиные бои. Я уже поставил раз Невидимый мир и победил».) Он становится отшельником, а его сын – королем.

Перья, кровь, толпа и деньги

«Поэзия ничего не делает, – сказал Оден в элегии на смерть Йейтса, – она живет в долине своих слов ...это способ действия, уста». Также и про петушинные бои можно сказать, что они ничего не меняют. Люди аллегорически унижают друг друга. И в процессе этого, день за днем, тихо славят себя, если побеждают, сокрушаются чуть-чуть громче – если нет. *Но в действительности ничей статус не меняется.* Побеждая в петушинных боях, нельзя продвинуться по иерархической лестнице статусов; впрочем, индивид и так не имеет реальной возможности продвинуться по ней. Да и опуститься таким образом тоже нельзя²⁹. Вы можете лишь смаковать игру и наслаждаться ею или страдать и стойко переносить неудачу, что порождает иллюзию неожиданного и быстрого продвижения по лестнице, но это лишь эстетическая иллюзия, пры-

²⁹ Одержимые игроки на самом деле в меньшей степени деклассированы (они, как и другие, статус наследуют), чем разорены и лично обесцещены. Самый яркий одержимый игрок в то время, когда я наблюдал за игрой, происходил из очень высокой касты кшатриев и продал большую часть своих земельных владений, чтобы потакать своей страсти. Хотя втайне все считали его дураком и даже хуже того (доброжелатели говорили, что он болен), публично с ним обращались вежливо и с почтением, соответствующим его общественному положению.

жок в Зазеркалье, видимость движения, притом что в действительности вы остаетесь на месте.

Как любая форма искусства – ведь в конечном счете мы имеем дело именно с этим – петушинные бои представляют собой обычный рутинный опыт в доступной для понимания форме, организуя его в виде предметов и действий, у которых отнимается их практическое приложение и которые снижаются (или, если хотите, поднимаются) до уровня внешних проявлений, и таким образом их значение может быть выражено сильнее и воспринято более точно. Петушинные бои «действительно реальны» только для петухов – во время них никого не убивают, не кастрируют, ничей статус не понижается до статуса животного, иерархические отношения людей не меняются, иерархия не нарушается. Происходит лишь то, что с другими людьми и в других условиях делают «Король Лир» и «Преступление и наказание»: поднимают темы смерти, мужественности, ярости, гордости, утраты, милосердия, удачи и организуют их в некую завершенную структуру таким образом, чтобы выпукло представить их внутреннюю сущность. Их конструируют, придают им значение в глазах тех, кто в данных исторических условиях может оценить эту конструкцию, они становятся видимыми, доступными, понятными – «настоящими» в идеациональном смысле. Образ, фикция,

модель, метафора – петушинные бои становятся средством выражения; их функция – не успокаивать общественные страсти и не разжигать их (хотя, вовлекая человека в игру с огнем, они понемногу делают и то и другое), но посредством перьев, крови, толпы и денег изобразить их.

Вопрос же о том, каким образом мы распознаем в вещах – картинах, книгах, мелодиях, пьесах – свойства, про которые мы сами не можем точно знать, что они там присутствуют, в последние годы попал в центр эстетической теории³⁰. Переживания художника, принадлежащие всецело ему, не аудитории, не играют никакой роли в том, что одно его полотно вызывает много чувств, а другое оставляет зрителя равнодушным. Последовательности звуков мы приписываем величие, остроумие, отчаяние, экспансивность; в каменной глыбе мы видим легкость, энергию, силу страсти, текучесть. Про романы говорят, что в них присутствует сила, про здания – что они красноречивы, про пьесы – что они энергичны, про балеты – что они гармоничны. В этом ряду эксцентрических суждений соображение, что, мол, петушинные бои, по край-

³⁰ Четыре разные концепции на этот счет см.: Langer S. *Feeling and Form*. N.Y., 1953; Wollheim R. *Art and Its Objects*. N.Y., 1968; Goodman N. *Languages of Art*. Indianapolis, 1968; Merleau-Ponty M. «The Eye and the Mind» // *The Primacy of Perception*. Evanston, Ill., 1964, p. 159–190.

ней мере в наиболее совершенном варианте, «беспокойны», не будет смотреться искусственным, а лишь немного загадочным: ведь я только что начисто отрицал наличие у них практических последствий.

Это беспокойство возникает «каким-то образом» из соединения трех их свойств: непосредственной драматической формы, метафорического содержания и социального контекста. Культурный факт на социальном фоне, бой петухов – это одновременно конвульсивный импульс животной ненависти, гротескная война символических «я» и формальное моделирование статусного напряжения; их эстетическая сила происходит из способности соединять эти разнородные реальности. Причина этого беспокойства не из-за их материальных последствий (они могут быть, но не очень значительные), а потому, что, соединяя гордость с ощущением собственного «я», ощущение собственного «я» – с петухами, а петухов – с разрушением, они вносят в воображаемое осуществление измерение балийского опыта, которое в обычных условиях остается скрытым от глаз. Перенос чувства тяготения в то, что само по себе не более чем пустое и однообразное зрелище; усугубление переживания участников и зрителей из-за сломанных крыльев и оторванных петушиных ног интерпретацией этого как выражения чего-то, чем они живут, и даже – что звучит еще

более зловеще – их внутренней сущности.

Как драматическая форма петушиные бои обладают одним свойством, которое не привлекает к себе внимания до тех пор, пока не понимаешь, что оно во все не обязательно, – это однозначно атомистическая структура³¹. Каждый матч – это мир в себе, особый взрыв формы. Есть подбор бьющейся пары и организация матча, есть заключение пари, есть сам бой и есть результат – абсолютный триумф и абсолютное поражение. И после всего этого – быстрая, скомканная передача денег друг другу. Проигравшего никто не утешает. Люди отходят от него, осматриваются вокруг, оставляют его в одиночестве пережить свое мгновен-

³¹ Судя по всему, в британских петушиных боях (которые с 1840 года были запрещены) этого не было, там была создана совсем другая форма. Большая часть британских петушиных боев представляла собой командные соревнования, в которых участвовало согласованное заранее число петухов, объединенных в две команды; собственно матчи проходили сериально. Счет велся и индивидуально на каждый матч, и общий командный, соответственно этому принимались и ставки. Были также «королевские бои», они организовывались и в Англии, и в континентальной Европе: одновременно на ринг выпускали много петухов, и тот, что оставался на поле боя последним, становился победителем. В Уэльсе же, в так называемых уэльских командных боях, бились что называется на вылет, это немного напоминало современные теннисные турниры: победитель выходил в следующий тур. Как жанр петушиные бои обладают все же не таким композиционным разнообразием, как, скажем, латинская комедия, но все же не лишены его полностью. О петушиных боях в общем плане см.: Ruport A. *The Art of Cockfighting*. L., 1957; Fitz-Barnard L. *Fighting Sports*. L., 1921.

ное падение в небытие, вновь обрести лицо и возвратиться с новыми силами и мужеством к следующему побою. Да и победителей не поздравляют, все произошедшее не обсуждают; окончен матч, и внимание толпы тут же переключается на следующий, без оглядки назад. Конечно, пережитый опыт каким-то образом откладывается у основных участников, может быть, даже у некоторых свидетелей глубоких боев, подобно тому как он откладывается у нас после посещения театра, если это была хорошо поставленная значительная пьеса; но вскоре впечатления утрачивают яркость и превращаются в довольно схематичное воспоминание – рассеянное сияние или абстрактную дрожь, а чаще и этого не остается. Выразительная форма живет только в настоящем, в собственном присутствии, которое она же сама и создает. Но в данном случае это настоящее разделено на эстетические слагаемые – серию вспышек, какие-то ярче других, и при этом они не связаны друг с другом. Все, что петушинные бои говорят, они говорят рывками.

Однако раньше я уже писал о том, что балийцы вообще живут рывками³². Их жизнь в том виде, как

³² Person, Time, and Conduct, esp. pp. 42ff. И я, однако, не первый человек, который утверждал это: см. Bateson G. «Bali, the Value System of a Steady State», and «An Old Temple and a New New Myth» // Traditional Balinese Culture / Belo, ed., p. 384–402, 111–136.

они ее организовали и как ее воспринимают, похожа не на поток, не на направленное движение из прошлого через настоящее в будущее, а скорее, на периодическую пульсацию значения и бессмысленности, на ритмическую смену кратких периодов, когда «что-то» (то есть что-то значительное) происходит столь же краткими периодами, когда «ничего» (то есть ничего существенного) не происходит; они сами называют их «наполненными» и «пустыми» временами или используют другие идиомы: «сочленения» и «дыры». Если рассмотреть весь спектр деятельности балийцев, петушины бои в такой же степени балийское времяпрепровождение, как и все их остальные занятия – от пронзительного пуантилизма музыки *гамелан* до храмового празднования дня богов. Это не имитация прерывистости балийской общественной жизни и не описание ее, это ее тщательно подготовленный пример³³.

Если одно измерение структуры петушиных боев – отсутствие временной направленности – делает их похожими на типичный сегмент их обобщенной общественной жизни, то другое – их неприкрытая про-

³³ О том, что необходимо различать «описание», «представление» (репрезентацию), «пример» и «выражение» (и неуместно ко всем этим разным случаям применять слово «имитация») как способы символической референции см.: Goodman N. *Languages of Art*, p. 61–110, 45–91, 225–241.

тивоборствующая (шпора к шпоре) агрессивность – противопоставляет их другим институтам, заставляет их казаться противоречием, перестановкой и даже подменой. В обычной жизни балийцы стараются избегать открытых конфликтов. Они скрытны, осторожны, подчинены условностям, контролируют себя, мастера иносказания и даже притворства – для такого поведения есть слово «*алюс*» («гладкий», «полированный»), они никогда не пойдут навстречу тому, что можно обойти, не станут открыто сопротивляться тому, чего можно избежать. Но здесь они выглядят дикими и кровожадными, одержимыми маниакальной жаждой инстинктивной жестокости. Мощное выражение, пусть даже непосредственное описание, жизни таким образом, который для балийцев совершенно неприемлем (если адаптировать фразу, которую Фрай использовал для ослепления Глостера) и создает контекст, который они самым естественным образом имеют в виде петушиных боев³⁴. И поскольку контекст предполагает, что это выражение – нечто большее, чем просто игра воображения, именно здесь возникает беспокойство *борьбы*, но не (или по крайней мере необязательно) ее организаторов – они, судя по всему, получают от всего происходящего удовольствие. Кровавое побоище на ринге – это изображение не того, что проис-

³⁴ Frye N. *The Educated Imagination*. Bloomington, Ind., 1964, p. 99.

ходит между людьми, а (что даже хуже) того, какими они в определенном ракурсе видят себя в своем воображении³⁵.

Под ракурсом имеется в виду, конечно, стратификация. Петушиные бои, как мы уже показали, рассказывают главным образом о статусных отношениях и при этом утверждают, что это вопрос жизни и смерти. Что ни возьмешь на Бали: деревню, семью, экономику, государство – становится ясно, что престиж

³⁵ Существуют еще две ценности, или два порока балийской жизни, которые, будучи связанными с представлением о прерывном течении времени с одной стороны и с разнузданной агрессивностью – с другой, усиливают впечатление, что петушиные бои одновременно продолжают рутинное течение общественной жизни и являются прямым ее отрицанием: речь идет о том, что балийцы называют *раме*, и тем, что они называют *палинг*. *Раме* означает многолюдный, шумный, активный, это очень престижное качество: многолюдные рынки, массовые праздники, шумные улицы – все это *раме*; разумеется высшее выражение этого качества – петушиные бои. *Раме* – это то, что происходит в наполненные времена (антоним этого слова *сепи* означает то, что происходит в пустые времена). *Палинг* – чувство социальной потерянности, дезориентированности, головокружения, которое испытывает индивид, когда его место в социальном пространстве не определено; это чрезвычайно неприятное, вызывающее сильное беспокойство состояние. Балийцы считают четкую социальную ориентированность («не знать, где находится север» – значит быть не в своем уме), равновесие, статусные отношения, соблюдение приличий и т. п. основой социального порядка, *палинг* же, то есть дезориентированное состояние, которое олицетворяют собой петухи, главной угрозой общественному порядку. О *раме* см.: Bateson G., Mead M. *Balinese Character*, p. 3, 64; о *палинг* см. там же, с. 11, а также: Belo J., ed. *Traditional Balinese Culture*, p. 90 ff.

здесь дело серьезное. Необыкновенный сплав полинезийской системы титулов и индийских каст – иерархия гордости служит становым хребтом общества. Но только в петушиных боях естественными красками играют чувства, на которых зиждется иерархия. Во всех остальных ситуациях зажатые в тиски этикета, скрытые плотным облаком эвфемизмов и церемоний, жестов и аллюзий, здесь они раскрываются в полной мере, хотя и под тонкой звериной маской, которая не столько скрывает их, сколько делает более очевидными. Ревность такая же составная часть балийцев, как и самообладание, зависть – как и благоволение, жестокость – как и обаяние. Но без петушиных боев балийцы гораздо хуже понимали бы сами себя, и именно поэтому, по всей вероятности, они так высоко ценят эту забаву.

Всякая выразительная форма работает (когда она работает), дезорганизуя семантический контекст таким образом, что свойства, конвенционально приписываемые определенным вещам, неконвенционально приписываются другим, которые отныне и начинают ими обладать. Назвать ветер калекой, как Стивенс, зафиксировать тон и манипулировать тембром, как Шенберг, или, что ближе к нашему случаю, изобразить критика в виде разнузданного медведя, как это сделал Хогарт, – это значит соединить концептуальные

провода. Установившиеся связи между предметами и их свойствами меняются, феномены: осенняя погода, мелодическая форма или журналистика – облачены в означающие, которые обычно указывают на другие референты³⁶. Аналогичным образом соединять, и соединять, и соединять коллизии с бойцовыми петухами со спорными проблемами статусов – это то же самое, что переносить восприятие с первого на последнее, такой перенос одновременно и описание, и суждение. (С точки зрения логики, перенос может, конечно, идти и в обратном направлении; но, как и мы, балийцы больше заинтересованы в том, чтобы понять людей, а не в том, чтобы понять петухов.)

Вовсе не то отделяет петушины бои от обычного течения жизни и ежедневных практических дел и окружает их аурой повышенной важности, что они, как

³⁶ Имеется в виду «Мотив для метафоры» Стивенса (The Collected Poems of Wallace Stevens, 1947), замечание о Шёнберге относится к третьей пьесе из его «Пяти оркестровых пьес» (opus 16) и заимствовано из: Drager H. H. The Concept of «Tonal Body» // Reflections on Art / E. S. Langer. N. Y., 1961, p. 174. О Хогарте и о затронутой проблеме в целом – она там называется «множественное соединение матриц» – см.: Gombrich E. H. The Use of Art for the Study of Symbols // Psychology and the Visual Arts / Ed. J. Hogg. Baltimore, 1969, p. 149–170. Более привычное название такого рода семантической алхимии – «метафорический перенос». Об этом можно прочесть: Black M. Models and Metaphors. Ithaca, N. Y., 1962, p. 25ff; Goodman N. Language as Art, p. 44ff; Percy W. Metaphor as Mistake // Sewanee Review. 1958, N 66, p. 78–99.

предположили бы социологи-функционалисты, усиливают статусную дискриминацию (вряд ли такое усиление необходимо в обществе, где каждое действие свидетельствует о статусной дискриминации). Но то, что они дают метасоциальный комментарий ко всему обычаю сортировать людей, раскладывая их по жестким иерархическим полочкам, и затем организовывать большую часть коллективного существования в зависимости от произведенной сортировки. Их функция, если хотите, интерпретативная: они – балийское прочтение балийского опыта, история, рассказываемая ими о самих себе.

Говоря что-то о чем-то

Ставить вопрос таким образом значит метафорически изменить фокус исследования, ведь это выделяет анализ культурных форм из общего ряда действий, аналогичных расчленению культурного организма, диагностике симптомов, расшифровке кода и построения системы, – именно такие аналогии приводит современная антропология – и ставит его в ряд действий, аналогичных проникновению в литературный текст. Если рассмотреть петушиные бои или любую другую коллективно создаваемую символическую структуру как средство «сказать что-то о чем-то» (если вспомнить аристотелевский афоризм), то невольно столкнешься с проблемой не социальной механики, а социальной семантики³⁷. Тот же антрополог, который заботится главным образом о том, чтобы сформулировать социологические принципы, а не оценить петушиные бои, поставит вопрос: что можно узнать о таких принципах из изучения культуры, как собрания текстов?

³⁷ Это афоризм из второй книги «Органона» «Об интерпретациях». Обсуждение этой темы, а также об освобождении «понятия текста... от понятия писания текста» и о создании общей герменевтики см.: Ricoeur P. *Freud and Philosophie*. New Heaven, 1970 p. 20ff.

Расширение понятия текста за пределы письменного и даже вербального материала хотя и имеет метафорический характер, но уже не новация. Средневековая традиция *interpretatio naturae*, достигшая кульминации в работах Спинозы, исходившей из попыток читать природу как Писание, ницшеанское стремление толковать системы ценностей как глоссы воли к власти (или марксистское стремление толковать их как глоссы отношений собственности), а также фрейдистская подмена энигматического текста сна явного очевидным текстом сна скрытого – все это прецеденты, хотя они и не одинаково полезны³⁸. Тем не менее теоретически идея разработана недостаточно; и самое важное, по крайней мере для антропологии, следствие – то, что культурные формы можно интерпретировать как тексты, как работу воображения на основе социального материала, – еще предстоит систематически разрабатывать³⁹.

³⁸ Ibid.

³⁹ «Структурализм» Леви-Стросса, скорее, исключение. Но только на первый взгляд. Поскольку вместо того, чтобы рассматривать мифы, праздники, брачные правила и прочее как тексты и их интерпретировать, Леви-Стросс считает их кодом и расшифровывает, что далеко не одно и то же. Похоже, он не пытается понять, как символические формы функционируют в конкретных ситуациях, чтобы организовать восприятие (значения, эмоции, понятия, отношения), он в большей степени стремится понять их исходя из их внутренней структуры, независимо от сюжета, от других предметов, от контекста. Подробнее см.: Geertz C.

В нашем случае, если начать трактовать петушиные бои как текст, это, прежде всего, сделает очевидным то (и это, на мой взгляд, их самая важная черта), что толкование их как ритуал или как времяпрепровождение скрывает: использование эмоций в когнитивных целях. Всё, что петушиные бои могут сказать, они говорят на языке чувств – волнение риска, отчаяние поражения, удовольствие от триумфа. И все же говорят они не только о том, что риск возбуждает, утрата удручает, триумф приятен (это было бы банальной тавтологией аффекта), но и о том, что из этих эмоций и по этому подобию строится общество, индивиды соединяются воедино. Посещение петушиных боев и участие в них – это для балийцев своего рода образование чувства. Там балиец узнает, каков это его культуры и какова его индивидуальная чувственность (по крайней мере некоторые их аспекты) в случае говорения их в коллективном тексте; насколько и то и другое похоже, если выражено в символике одного такого текста; и – что уже вызывает беспокойство – что текст, в котором собственно все и объединяется, состоит из петухов, которые рвут друг друга на части.

Каждый народ, гласит пословица, любит свои собственные формы насилия. Петушиные бои являются рефлексией о них: их вид, способы использования,

силу, притягательность. Имея отношение почти к каждому уровню балийского опыта, они соединяют в себе разные темы – животную дикость, мужской нарциссизм, азарт игры, соперничество статусов, массовое возбуждение, кровавые жертвоприношения. И все это объединяет ярость и страх впасть в ярость, связывая их в набор правилами, которые, сдерживая их и одновременно позволяя им играть, строят символическую структуру, в которой снова и снова реальность их внутренней связи может быть продемонстрирована в доступной для восприятия форме. Если мы (тут я вновь заимствую пример у Нортропа Фрая) идем в театр на «Макбета», чтобы узнать, что чувствует человек, когда он получил королевство и потерял душу, балийцы идут на петушиные бои, чтобы узнать, что чувствует сдержанный и спокойный, замкнутый в себе человек, когда он в результате борьбы, мук соперничества, перенесенных оскорблений и пережитой вследствие всего этого ярости наслаждается абсолютным триумфом или переживает жестокое поражение. Стоит процитировать весь этот отрывок, поскольку он вновь возвращает нас к Аристотелю, хотя на этот раз к «Поэтике», не к «Герменевтике»: «Однако поэт [в отличие от историка], говорит Аристотель, никогда ничего в общем не утверждает, по крайней мере ничего особенного, конкретного. Дело поэта –

рассказывать не что случилось, а как: не что именно произошло, но какого рода вещи обычно происходят. Он показывает типическое, повторяющееся, то, что Аристотель называет всеобщим (универсальным) событием (явлением). Вы ведь не пойдете на „Макбета“ ради того, чтобы познакомиться с историей Шотландии, – вы пойдете ради того, чтобы узнать, что чувствует человек, когда он получил королевство и потерял душу. Когда вам встречается тип, подобный диккенсовскому Микоберу, у вас не возникает впечатление, что жил когда-то точно такой человек и Диккенс, очевидно, был с ним знаком; у вас возникает ощущение, что в каждом вашем знакомом есть что-то от Микобера, и в вас самих тоже. Наши впечатления о человеческой жизни собираются по крупицам и существуют в сознании большинства из нас не связанные друг с другом и неорганизованные. Мы постоянно наталкиваемся в литературе на вещи, которые неожиданно обращают наше внимание на эти впечатления и организуют их в нечто связанное, – именно это и имеет в виду Аристотель, когда говорит о типическом или универсальном человеческом событии»⁴⁰.

Петушинные бои, если не считать, что «жизнь – лишь игра» или что она «больше чем игра», как раз и обращают наше внимание на беспорядочный опыт по-

⁴⁰ Frye N. The Educated Imagination, p. 63–64.

вседневной жизни, и таким образом создают то, что лучше назвать не типическим или универсальным, а парадигматическим человеческим событием – событием, которое скорее говорит нам не о том, что сейчас происходит, а о том, что происходило бы, если бы жизнь была искусством и ее можно было так же свободно лепить сообразно нашим чувствам, как писать «Макбет» или «Дэвид Копперфильд».

Неоднократно сыгранная, хотя и неоконченная постановка, петушиные бои позволяют балийцу увидеть, как нам это позволяет неоднократно перечитываемый «Макбет», одно из измерений собственной субъективности. По мере того как он смотрит один матч за другим, выступая в роли владельца петуха или участника пари (ведь смотреть петушиные бои просто так – такое же неинтересное занятие, как просто так наблюдать игру в крокет или собачьи бега), он все более сживается с этим занятием и с тем, что оно ему говорит, подобно тому, как внимательный слушатель струнного квартета или увлеченный созерцатель натюрморта настолько сживается с объектом своего наблюдения, что открывает в себе свою собственную субъективность⁴¹.

⁴¹ Использование естественной для европейцев «естественной» идиомы восприятия – «видеть», «смотреть» и т. д. – в данном случае больше, чем обычно, уводит в сторону, поскольку, как говорилось выше, ба-

И все же поскольку – еще один излюбленный в эстетике парадокс наряду с нарисованными чувствами и непоследовательными действиями – эта субъективность по-настоящему не существует до тех пор, пока ее каким-то образом не организовали, искусство создает и воссоздает ту самую субъективность, которую оно само изображает. Квартеты, натюрморты и петушиные бои не просто отражения предсуществующей чувственности, которая впоследствии бывает выражена, они – активная действующая сила в создании и поддержании такой чувственности. Если мы видим в себе Микобера, это значит, что мы прочитали Диккенса (если мы видим в себе трезвых реалистов, значит мы мало читаем); то же верно и в отношении балийцев, петухов и петушиных боев. И именно таким образом, окрашивая действительность в краски, в которых оно ее представляет, а не посредством матери-

лийцы воспринимают петушиные бои в такой же степени (а, может, и в большей, поскольку трудно разглядеть бьющихся петухов в деталях) телом, как и глазами: они делают движения руками и ногами, вертят головами, всем туловищем, повторяя характерные движения петухов. Это так же важно для получения удовлетворения от зрелища, как и видеть происходящее. Если и существует пример для определения Кеннетом Берком символического искусства как «танца отношений» [The Philosophy of Literary Form, rev. ed. N.Y., 1957, p. 9], то такой пример – петушиные бои. Об огромной роли кинестатического восприятия в жизни балийцев см.: Bateson G., Mead M. Balinese Character, p. 84–88; об активной природе эстетического восприятия в целом см.: Goodman N. Language of Art, p. 241–244.

ального эффекта, который оно может произвести, искусство играет свою роль в жизни общества⁴².

Так что на петушиных боях балиец формирует и открывает для себя свой темперамент и одновременно – темперамент своего общества. Или, точнее, он формирует и открывает для себя определенную его грань. Мало того что существуют и другие культурные тексты, которые дают представление о статусной иерархии и самоощущении на Бали, но в жизни балийцев есть много других чрезвычайно важных черт помимо стратификации и состязаний. Церемония посвящения в брахманы, тренировка задержки дыхания, сохранение неподвижности позы, абстрактные размышления о глубине бытия демонстрируют совершенно другое, но для балийцев такое же насто-

⁴² Такое соединение великого западного с низким восточным, несомненно, вызовет возражения у эстетов, подобно тому, как вызывали возражения теологов предыдущие попытки антропологов ставить в один ряд христианство и тотемизм. Однако онтологические вопросы выносятся за скобки в социологии религии, а оценочные – в социологии искусства. В любом случае попытка лишить концепцию искусства провинциальности есть часть общего антропологического замысла лишить провинциальности все существенные социальные понятия: брак, религию, закон, рациональность. И хотя это ставит под удар некоторые эстетические теории, которые утверждают, что ряд произведений искусства неподвластен социологическому анализу, зато сохраняет неизменно убеждение (за которое, по утверждению Роберта Грейвза, ему пеняли на выпускном экзамене в Кембридже), что некоторые поэтические произведения лучше других.

ящее свойство социальной иерархии – приближаться к таинственной запредельности. Не в матрице кинетической эмоциональности животного, а в статичной бесстрастности божественного разума она выражает покой, а не беспокойство. Многолюдные празднества у деревенских храмов – пение, пляски, увещевания, принесение даров, которые собирают все население округа для замысловатой церемонии посещения богов, – утверждают духовное единство односельчан при всем их статусном неравноправии и создают настроение доброжелательности и доверия⁴³. Петушиные бои – это не универсальный ключ к пониманию жизни балийцев, точно так же, как нельзя считать таким ключом бой быков у испанцев. То, что они говорят о жизни, может быть дополнено и уточнено тем, что говорят другие столь же красноречивые культурные высказывания. И в этом нет ничего удивительного, как не может быть ничего удивительного в том, что Расин и Мольер были современниками, и в том, что один и тот же народ любит хризантемами и куёт мечи⁴⁴.

⁴³ О церемониях посвящения см.: Korn V. E. «The Consecration of the Priest» // Bali: Studies / Ed. Swellengrebel, p. 131–154; о деревенском единстве (несколько переоцененном) см.: Goris R. «The Religious Character of the Balinese Village» // Ibid., p. 79–100.

⁴⁴ Ощущение, которое передают петушиные бои, и беспокойство, свойственное общему паттерну балийской жизни, которое в них выра-

Культура народа представляет собой ансамбль текстов, каждый из них, в свою очередь, тоже ансамбль, который антрополог пытается прочесть, заглядывая через плечо того, кому он, собственно, принадлежит. На этом пути его подстерегают огромные трудности, методологические ловушки фрейдистской дрожи и ряд проблем морального характера. Однако это единственный способ социологического анализа символических форм. Функционализм еще жив, то же можно сказать и о психологизме. Рассматривать же такие формы, как «рассказ чего-то о чем-то» и пересказывать это другим значит открыть возможность анализа

жено, подтверждаются, в частности, тем обстоятельством, что за две недели декабря 1965 года в ходе волнений, сопровождавших неудачный переворот в Джакарте, было убито от сорока до восьмидесяти тысяч балийцев (при двухмиллионном населении) – они убивали главным образом друг друга. Это было самое кровавое восстание в стране. (Hughes J. Indonesian Upheavel. N.Y., 1967, p. 173–183; цифры, приведенные Хьюзом, конечно, приблизительны, но они примерно соответствуют действительности.) Разумеется, нельзя утверждать, что убийства были спровоцированы петушиными боями, что их можно было ожидать на основе изучения петушиных боев или что они представляли собой некоторое расширительное представление о петушиных боях с настоящими людьми на месте петухов, – все это ерунда. Можно лишь сказать, что, если судить о Бали не только на основании танцев, театра теней, скульптуры, девушек, но и – как, кстати, делают и сами балийцы – через призму петушиных боев, факт такого побоища кажется хотя и не менее возмутительным, но в меньшей степени противоречащим законам природы. Не один Глостер пришел к выводу, что иногда люди поступают так, как им больше всего не хочется.

их самой сути, а не редукативных форм, якобы выражающих их суть.

Занимаясь внимательным чтением, можно начать с любого места в репертуаре культурных форм и в любом же месте остановиться. Можно ограничить себя, как я в данном очерке, одной более или менее связанной с другими формой и кружить внутри нее. А можно двигаться от формы к форме в поисках более крупных единств или красноречивых контрастов. Можно даже сравнивать формы из разных культур, чтобы определить их характер, взаимно оттеняя их на фоне друг друга. Но каков бы ни оказался уровень исследования, как глубоко бы оно ни зашло, руководящий принцип будет все тем же: общества, как живые существа, имеют свои собственные интерпретации. Надо лишь научиться тому, как получить к ним доступ.

Насыщенное описание петушиных боев

Клиффорд Джеймс Гирц (1926–2006) – известный американский антрополог, автор этнографической концепции насыщенного описания. После службы на флоте, в конце Второй мировой войны, Гирц поступил в Антиохийский колледж, где изучал философию. В 1950 году он поступил в Гарвардский университет на факультет социальных отношений. После окончания университета работал под руководством социолога Толкотта Парсонса и антрополога Клайда Клакхона. Будучи антропологом, в общей сложности провел в поле семь лет – три года на Яве, год – на Бали и около трех лет – в Марокко. Клиффорд Гирц является автором концепции интерпретативной, или символической, антропологии, которая строится на интерпретации культурных символов в зависимости от контекста. Наиболее известными и цитируемыми текстами Гирца являются «Насыщенное описание: в поисках интерпретативной теории культуры» и «Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев».

Гирц в эпоху big data

Появление феномена и методов анализа больших данных поставило под вопрос будущее социальных наук и дальнейшее существование социальных ученых. Программисты и ориентированные на компьютерные методы представители социальных наук заявили, что теперь в интерпретации и интерпретаторах данных нет никакой необходимости, поскольку за них все сделают алгоритмы и машинное обучение. Большие данные позволяют охватить максимальное количество социальных агентов ($n=all$) по сути в режиме онлайн. Технически сгенерированные и отобранные большие данные никак не зависят от субъективизма ученых и их теорий. К тому же методы социальных ученых безнадежно устарели еще в 60-х годах XX века, а то и раньше, а реальность «за окном» существенно изменилась.

Появление больших данных вызвало бурную, но неоднозначную реакцию у социологов и антропологов, изучающих поведение и отношения между людьми. Некоторые из них признавали необходимость коллаборации с программистами, но многие обратили внимание на то, что большие данные не работают в изучении общества и культуры.

Хайп по поводу больших данных зачастую связан с анекдотами из области маркетинга. Есть история, согласно которой Adidas сменила имидж и подняла свои продажи благодаря антропологам, работающим на компанию. Дело в том, что рекламные кампании Adidas долгое время строились на идеях соревнования и преодоления себя. Но тогда возникает вопрос: йога – это спорт? Очевидно, что те, кто занимается йогой, – такие же потребители спортивной экипировки, как и любители бега, но идеи соревновательности, победы и первого места чужды йоге [Baer, 2014]. Подобные нюансы не считаются аналитиками данных, но подмечаются этнографами в поле в процессе наблюдения и разговоров с потребителями.

Спор с программистами вызывает к жизни духов древних баталий между *Naturwissenschaften* и *Kulturwissenschaften*, между количественными и качественными методами. Этнография противопоставляется квантификации – редукции сложной социальной реальности к числам, числовым показателям, формулам и таблицам. С одной стороны, числа позволяют отождествлять нетождественное, связывать разнородное, переносить вещи через континенты; они делают знание проще, понятнее и организованнее. «Квантификация обольстительна» в том смысле, что «облегчает принятие решений в отсутствие более де-

тальной, контекстуальной информации» [Merry, 2016, p. 1]. В то же время квантификация существенно упрощает социальную реальность, не учитывает локальные условия, детали и нюансы, которые зависят от контекста.

Именно этнография может показать, что числа и показатели, которые считаются естественными и универсальными, являются конструкциями – они создаются в результате переговоров, влияний и политик представителей различных организаций и социальных групп с разными интересами. Результат разработки таких показателей является ситуативным решением, не учитывающим культурные и этнические особенности в отношении. Соответственно, именно этнография позволяет эксплицировать генеалогию квантификации и больших данных, а также противопоставить квантификации множество локальных историй, которые вообще никак не соотносятся с абстрактными числами, формулами и показателями, разработанными и используемыми при оценке социальных феноменов.

Акцент на контексте интерпретации и интерпретации контекста в этнографии восходит к понятию «насыщенное описание» (thick description), которое Клиффорд Гирц взял у английского философа Гилберта Райла и ввел в культурную антропологию. В

эпоху больших данных именно насыщенное описание противопоставляется квантификации и алгоритмам, а данные должны быть не только большими и количественными, но также «насыщенными» (thick data) [Wang, 2014] и «глубокими» (deep data) [Brock, 2015].

Adversus Mathematicos

Текст о «насыщенном описании» написан «против математиков». Именно Гирц известен как автор «парадигматического положения этнографических идеалов, ведущего и сегодня многих исследователей: описательная работа антропологии должна осуществляться близко к живому опыту, а формализм, абстрагирующий этот опыт в математические правила или репрезентации, должен быть под подозрением» [Seaver, 2015, p. 30].

С точки зрения Гирца, этнография – это не «экспериментальная наука, занятая поисками закона», а наука «интерпретативная, занятая поисками значения» [Гирц, 2004, с. 11]. «Интерпретация культур» и насыщенное описание являются ответом на формализацию и математизацию антропологического исследования в «этнонауке, когнитивной антропологии, компонентном анализе», в которых описание представляет собой «этнографический алгоритм», приводящий к соединению «чрезмерного субъективизма с чрезмерным формализмом» в виде «таксономий, парадигм, таблиц и прочих ухищрений» [Гирц, 2004, с. 18]. Интерпретативную антропологию Гирц противопоставил «темным наукам» (dark sciences). «На ме-

ня, – писал Гирц в „Интерпретации культур“, – не производили впечатления и заявления, будто структурная лингвистика, компьютерная инженерия или какая-то другая продвинутая форма познания может сделать нас способными понимать людей без их изучения» [Гирц, 2004, с. 39]. Таким образом, в «Насыщенном описании» американский антрополог выступал против каких-либо репрезентаций и опосредований с помощью чисел, так как формализация и математизация данных не схватывает контекстуальность деталей и нюансов.

В этом смысле если мы просто пересчитаем все подмигивания, то ничего не поймем про них, потому что каждое подмигивание может означать что-то особенное. Феноменологически и количественно подмигивания считаются как движения век, но могут означать: нервный тик, собственно подмигивание, подмигивание как репетицию подмигивания, подмигивание по поводу подмигивания – «я подмигиваю по поводу того, что на самом деле не подмигиваю» и т. д. [Гирц, 2004, с. 12]. Соответственно, каждое конкретное подмигивание должно быть описано насыщенно в зависимости от контекста.

Любопытно, что в «Глубокой игре» противник этнографической алгебры Гирц в качестве аргумента использует то, против чего выступал, – статистику и чис-

ла. Для описания сложной структуры и динамики центральных и периферийных пари антрополог квантифицирует петушинные бои: приводит статистику ставок мелких, средних и крупных боев в трехмодальном распределении (с. 41). В другом месте Гирц приводит статистику соотношений ставок в подтверждение усилий, прилагаемых к тому, чтобы бои были равными (с. 28–38). Очевидно, что статистика «облекает аргумент в числовую форму» для того, чтобы сделать данные и выводы текста более объективными.

«Дело Коэна»: в поисках универсального языка

В «Насыщенном описании» после примера с подмигиванием Гирц переходит к анализу более сложной ситуации, в которой участвует много персонажей, каждый из которых в прямом и переносном смысле говорит на своем языке и интерпретирует произошедшее по-своему. Речь о драматической истории, которая произошла в Марокко в 1912 году и была записана Гирцем в 1968 году. Участниками истории являются еврейский торговец Коэн, военный представитель колониальной администрации капитан Дюмари, берберы-грабители из не покоренного французами племени, шейх из Мармуши, ответственный за соблюдение мезрага (межплеменного права).

Итак, берберы из одного племени, не контролируемого колониальной администрацией, решили ограбить торговца Коэна. Со второй попытки и обманым путем они смогли это сделать. Коэну удалось выбраться из переделки живым, и он пошел к капитану Дюмари, чтобы потребовать получение ар – возмещения за кражу. Любопытно, что капитан неформально разрешил Коэну взять возмещение убытка: «Капитан Дюмари не мог ему это официально разрешить, по-

сколько французы запретили отношения мезрага, но он дал ему устное разрешение, сказав при этом: „Если тебя убьют, то меня это не касается“» [Гирц, 2004, с. 15]. Вместе с шейхом и отрядом берберов из Мармуша Коэн отправился за возмещением и забрал стадо овец в соответствии с местным законом. Однако после триумфального возвращения с овцами в Мармушу он сам был арестован по подозрению в шпионаже, а овец у него отобрали. Торговец обратился с жалобой к вышестоящему представителю администрации – французскому полковнику, но тот сказал, что его это не касается.

По мнению Гирца, трагедия «катавасии с овцами» заключается в «путанице языков», в том, что ее участники не понимают друг друга, так как говорят на разных языках исходя из своих особенностей и интересов. Коэн «занимается торговлей», шейх «защищает честь», капитан Дюмари «устанавливает колониальное господство» [Гирц, 2004, с. 25]. Если участники истории с овцами не понимают друг друга, то на помощь им приходит антрополог Клиффорд Гирц – носитель двух универсальных языков, которые помогают преодолеть трудности перевода.

С одной стороны, это язык общечеловеческих ценностей. При исследовании культуры «антрополог, как правило, выходит к более абстрактному уровню ана-

лиза через этап очень подробного изучения чрезвычайно мелких явлений. Он сталкивается с теми же большими проблемами действительности, с какими другие – историки, экономисты, политологи, социологи – сталкиваются в своих более масштабных контекстах: с Властью, Переменами, Верой, Угнетением, Работой, Страстью, Авторитетом, Красотой, Насилием, Любовью, Престижем...» [Гирц, 2004, с. 29]. С другой стороны, это язык универсальных концептов антропологии. Набор самых общих, академически выработанных понятий и систем понятий – «интеграция», «рационализация», «символ», «идеология», «этос», «революция», «идентичность», «метафора», «структура», «ритуал», «картина мира», «действующее лицо», «функция», «сакральное» и, конечно, сама «культура» – вплетен в ткань «насыщенного» этнографического описания в надежде придать обычным явлениям научное выражение» [Гирц, 2004, с. 37].

Примечательно, что Гирц деколонизирует антропологию, не редуцируя интерпретацию к системе ценностей колониальной администрации. При этом он не становится на сторону угнетенных: «Антропологи, по крайней мере я, вовсе не стремятся ни превратиться в natives, местных жителей (безусловно, дискредитированное слово), ни подражать им» [Гирц, 2004, с. 21]. Это возвышение собственной позиции приво-

дит к монополии на толкование. При этом, Гирц игнорирует «интерпретативную гибкость» в понимании друг друга, которую также демонстрируют участники драмы. Мы видим, что способность понимать Других и как следствие гибкость в решениях демонстрируют сами участники драмы. Во-первых, это капитан Дюмари, который закрывает глаза и неформально разрешает Коэну требовать возмещения ущерба. Кроме того, это еврей Коэн, который вопреки запрету веры носит оружие и следует местным законам. При этом Коэн – это идеальный посредник (переводчик), потому что по крайней мере знает как себя вести с теми, с кем он торгует, и в этом смысле торговец – неудобная фигура для антрополога, который также претендует на то, чтобы стать универсальным переводчиком. Тем не менее в «Насыщенном описании» Гирц считал, что антрополог обладает монополией на толкование благодаря универсальным языкам и занимает метапозицию по отношению к другим участникам конфликта.

Книга Песка

Если в «Насыщенном описании» правильность интерпретации все же зависит от эксклюзивной роли антрополога и выбора универсального вокабуляра, то в «Глубокой игре» Гирц демонстрирует радикально другой подход к интерпретации текста культуры. Эссе начинается с удивительной истории, связанной с трудностями вхождения в поле Гирца и его жены. Они не просто чужаки в балийской деревне; здесь происходит нечто большее – антропологов просто не замечают, они становятся бесплотными призраками. Счастливая случайность – полицейская облава во время петушиных боев – делает Гирца и его жену заметными. То, что они убегали и прятались от полиции вместе с остальными жителями, то, что они не воспользовались своим статусом и ввали полицейским, делает их живыми и настоящими. Призрачность антрополога намекает на кеносис *sui generis*, который существенно снижает важность антропологии и ставит под вопрос ее монополию на правильное понимание ситуаций.

Что такое петушиные бои в контексте балийской культуры? В чем смысл глубокой игры в балийском обществе? Однозначного ответа на эти вопросы в тек-

сте нет. Петушинные бои – это и символическая репрезентация животности, и матрица социальных статусов, и механизм регулирования соотношения природного и культурного, и средство изображения социальных страстей, и яркий пример дискретной жизни балийцев, и воображение себя другими, и одно из средств конструирования индивидуального и социального темперамента балийцев, и, наконец, интерпретация балийцами самих себя.

Культурсоциолог Питер Смит тщетно пытается обнаружить в «Глубокой игре» строгость структурализма Леви-Стросса и формализма Шкловского. Смит вынужден описывать текст Гирца «без определяющей матрицы» через метафоры палимпсеста и ленты Мёбиуса, в которой нет ни начала ни конца. При чтении «Глубокой игры» мы постоянно «обнаруживаем, что вернулись в начальную точку» [Smith, 2001, p. 26].

Клиффорд Гирц как будто дает мастер-класс, на котором хочет продемонстрировать весь набор, все возможные антропологические прочтения петушинных боев. При этом он не выделяет ни одной из интерпретаций, не редуцирует к ней остальные. Смысл глубокой игры интерпретаций культуры заключается в бесконечном ряде возможных насыщенных описаний, а насыщенность в описании – это не только «как можно больше» деталей, определяющих контекст, но это

также «как можно больше» возможных интерпретаций, среди которых нет ни одной правильной. Петушиные бои – это текст, но текст этот устроен как борхесовская «Книга Песка», которую можно и нужно читать бесконечно.

Денис Сивков

Литература

Гурц К. (2004) Интерпретация культур. М.: РОС-СПЭН.

Baer D. (2014) Here's why companies are desperate to hire anthropologists, Business Insider. (<http://www.businessinsider.com/heres-why-companies-aredesperateto-hireanthropologists-2014-3#ixzz3VER2SwFi/>)

Brock A. (2015) Deeper data: a response to boyd and Crawford, Media, Culture & Society, 37(7): 1084–1088.

Merry S. E. (2016) The seductions of quantification: measuring human rights, gender violence and sex trafficking, Chicago; London: Chicago University Press.

Seaver N. (2015) Bastard algebra. Boellstorff T., Maurer B. (eds.) Data, now bigger and better, Chicago: Prickly Paradigm Press: 27–45.

Smith Ph. (2011) The Balinese cockfight decoded: reflections on Geertz and structuralism. Alexander J. C., Smith Ph., Norton M. (eds.) Interpreting Clifford Geertz: Cultural investigation in social sciences, New York: Palgrave Macmillan: 17–32.

Wang T. (2014) Big data needs thick data, Ethnography Matters. (<http://ethnographymatters.net/blog/2013/05/13/big-data-needs-thick-data/>).